

СОДЕРЖАНИЕ

Никколо Макиавелли – «Государь»

- Глава I. Сколько видов бывают государства и как они приобретаются
- Глава II. О наследственном единовластии
- Глава III. О смешанных государствах
- Глава IV. Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти
- Глава V. Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам
- Глава VI. О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью
- Глава VII. О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы
- Глава VIII. О тех, кто приобретает власть злодеяниями
- Глава IX. О гражданском единовластии
- Глава X. Как следует измерять силы всех государств
- Глава XI. О церковных государствах
- Глава XII. О том, сколько бывает видов войск, и о наемных солдатах
- Глава XIII. О войсках союзнических, смешанных и собственных
- Глава XIV. Как государь должен поступать касательно военного дела
- Глава XV. О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают.
- Глава XVI. О щедрости и бережливости.
- Глава XVII. О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх.
- Глава XVIII. О том, как государи должны держать слово.
- Глава XIX. О том, каким образом избежать ненависти и презрения.
- Глава XX. О том, полезны ли крепости, и многое другое, что постоянно применяют государи.
- Глава XXI. Как надлежит поступать государю, чтобы его почитали.
- Глава XXII. О советниках государей.
- Глава XXIII. Как избежать льстецов.
- Глава XXIV. Почему государи Италии лишились своих государств.
- Глава XXV. Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять.
- Глава XXVI. Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров.

Никколо Макиавелли – Десять писем

Михаил Блюменкранц – «Макиавелли: уроки истории»

Никколо Макиавелли – Биографическая справка

Николо Макиавелли

Г о с у д а р ь

Николо Макиавелли – его светлости Лоренцо деи Медичи

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого, или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших. Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед вами, однако же верю, что по своей снисходительности вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести вам дар большой, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желая, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

ГЛАВА I

СКОЛЬКИХ ВИДОВ БЫВАЮТ ГОСУДАРСТВА И КАК ОНИ ПРИОБРЕТАЮТСЯ

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания – таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

ГЛАВА II

О НАСЛЕДСТВЕННОМ ЕДИНОВЛАСТИИ

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и в последствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и папой Юлием в 1510–м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

ГЛАВА III

О СМЕШАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение – так, что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть, прежде всего вследствие той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять–таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода

повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и также быстро его лишился. И герцогу Людовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Людовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства и не рассеяли, и не изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее, Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика – и у всякого на его месте, – чтобы упрочить завоевание верней, чем это сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу. Ибо, только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя – что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным – бояться. И если кто-нибудь из соседей замышлял нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят

государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяют все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а так же враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, – так некогда римлян в Грецию призвали этолийцы, да и во все другие страны их тоже призывали местные жители. Порядок же вещей таков, что, когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства примыкают к нему – обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой – так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они не расширились и крепли, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев; унизили македонское царство; изгнали оттуда Антиоха. Но, невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции. Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечим.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции – чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, – они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление не может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике – он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, – и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы, не выбирая. И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покорила, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бентивольи, графиня Форли, властители Фаэнци, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино; Лукка, Пиза, Сиена – все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут – то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали две трети Италии.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть, призвал в Италию, где сам был властелином, равного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы вновь овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй

раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан победной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, что Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь – испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: что нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием папе: в обмен на расторжение королевского брака и кардинальскую шапку архиепископу Рушанскому помочь захватить Романью, – то я отвечу на это в той главе, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Рушанским, когда Валентино – так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына папы Александра – покорял Романью: кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не достигли бы такого усиления Церкви. Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

ГЛАВА IV

ПОЧЕМУ ЦАРСТВО ДАРИЯ, ЗАВОЕВАННОЕ АЛЕКСАНДРОМ, НЕ ВОССТАЛО ПРОТИВ ПРЕЕМНИКОВ АЛЕКСАНДРА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

Рассмотрев, какого труда стоит учреждать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого – после того, как он в несколько лет покорил Азию и вскоре умер, – против ожидания не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекли на себя собственным честолюбием. В объяснении этого надо сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древности рода. Бароны эти имеют наследные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей

стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности.

Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве – его слуги; страна поделена на округа – санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции напротив, окружен многочисленной родовой знатью, привязанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-либо местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти. Как сказано выше, приближенные султана – его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападет на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры. Но если победа над султаном одержана, и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не может увлечь за собой подданных; и как до победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу. Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так и со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую смуту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Если мы теперь обратимся к государству Дария, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою. Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти. И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами.

Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно. В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян. И пока живо помнилось прежнее устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того, как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все прочнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен. И местные жители, чьи исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян. Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с

легкостью удержал азиатскую державу, тогда как Пирру и многим другим стоило огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

ГЛАВА V

КАК УПРАВЛЯТЬ ГОРОДАМИ ИЛИ ГОСУДАРСТВАМИ, КОТОРЫЕ, ДО ТОГО КАК БЫЛИ ЗАВОЕВАНЫ, ЖИЛИ ПО СВОИМ ЗАКОНАМ.

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом, обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию, однако потеряли оба города. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, разрушили их и сохранили их в своей власти. Грецию они пытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли свободу и право жить по своим законам, однако же, потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию вынуждены были разрушить в ней многие города.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как попала под владычество флорентийцев.

Но если город или страна привыкли стоять под властью государя, а род его истребили, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой – не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы расположить их к себе и тем обеспечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти – разрушить их или же в них поселиться.

ГЛАВА VI

О НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ, ПРИБРЕТАЕМЫХ СОБСТВЕННЫМ ОРУЖИЕМ ИЛИ ДОБЛЕСТЬЮ.

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величайших мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в

доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравниться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела прошла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела, попасть в отдаленную цель.

Итак, в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело и благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

Но, переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с богом. Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя ни дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян. Ромул не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождению брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной. Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, мидяне – расслаблены и изнежены от долгого мира. Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга. Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность. А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные

пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой. Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если царь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

К столь высоким примерам я хотел присовокупить пример более скромный, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Гиероне Сиракузском: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не одарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их государем. Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, "*nihim illi seerat ad regnandum praeter regnum*" [для царствования ему недоставало лишь царства (лат.)]. Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте как собственное войско и собственные союзники, он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых – ее удержать.

ГЛАВА VII

О НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ, ПРИБРЕТАЕМЫХ ЧУЖИМ ОРУЖИЕМ ИЛИ МИЛОСТЬЮ СУДЬБЫ

Тогда как тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Гелеспонта, куда Дарий назначал правителей ради своей славы и безопасности; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами, покупая солдат.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и неприхотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры. Эти невесть откуда взявшиеся властители, как все в природе, что нарождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

Обе эти возможности возвыситься – благодаря доблести и милости судьбы – я покажу на двух примерах, равно нам понятных: я имею в виду Франческо Сфорца и

Чезаре Борджа. Франческо стал Миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий. Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца; но, лишившись отца, он лишился и власти, несмотря на то, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и все старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить прочные корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

Рассмотрев образ действия герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего, он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но при всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу и Римини. Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления папы, то есть Орсини, Колонна и их приспешников. Таким образом, прежде всего, надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью, что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король. Таким образом Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско казавшееся ему не надежным, во-вторых, намерения Франции. Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино двинулся к Тоскане, и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме; всех нобилей, державших их сторону, переманил себе на службу, определив им высокие жалованья и, сообразно достоинствам, раздал места в войске и управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога. После этого он стал выжидать возможности разделаться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна. Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им гибелью, собрались на совет в Маджоне, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога,— прежде всего, бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи Французов.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он также отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло – которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, – а потом в Синигалии сами простодушно отдались ему в руки. Так, разделавшись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытывавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо. До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, усабиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый год был представлен защитником. Но зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний. Поэтому герцог стал высматривать новых союзников и уклончиво вести себя по отношению к Франции – как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаету. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил папа Александр.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, который мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр. Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне. Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу, в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. К этому времени он мог уже не опасаться

Франции – после того, как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг – и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении. И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер папа Александр, и если бы произошло, то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы ни в чьем покровительстве и не зависел бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от своей доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил свой меч всего за пять лет до смерти своего отца. И успел упрочить власть лишь над одним государством – Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя неприятельскими армиями и смертельно больной.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности – если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дожидалась его больше месяца; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони, Орсини и Вителли, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы папой избрали если не именно того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал. Не оказался герцог при смерти тогда же, когда умер папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал – что в это время и сам окажется близок к смерти.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он может послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь помешали ему осуществить намерение. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны повредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В одном лишь можно его обвинить – в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести удобного ему человека, он мог, как уже говорилось, он мог отвести неугодного; а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем. Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти. Среди обиженных им были Сан-Пьетро ин Винкула, Колонна, Сан-Джорджо, Асканио; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те – в силу родственных уз и обязательств, этот – благодаря могуществу стоявшего за ним французского королевства. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности – кардинала Руанского, но уже никак не Сан-Пьетро ин Винкула. Заблуждается тот, кто думает,

что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая и привела его к гибели.

ГЛАВА VIII

О ТЕХ, КТО ПРИОБРЕТАЕТ ВЛАСТЬ ЗЛОДЕЯНИЯМИ

Но есть еще два способа сделаться государем – не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я понимаю случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая – один из древности, другой из современной жизни – и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания. Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолоду отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле. Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского, находившегося в это время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан. И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой – вторгся в Африку; в короткое время освободил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они были вынуждены заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

Вдумавшись, мы не найдем в жизни Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасностей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу. Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу. Так что, если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но, памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

Уже в наше время, при папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли с тем, чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлоццо и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске. Однако, полагая унижительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо – с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю

и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать с почетом – со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, – пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившем ему отца. Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позаботился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в свободном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Фермо. После того, как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии папы Александра и сына его Чезаре. Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжать в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовал дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом помчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повинился и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города.

Истребив тех, кто по недовольству мог ему навредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Чезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе с Виттеллоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Кого–то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с божьей и людской помощью удержать власть; действуя вторым – невозможно.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало–помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

ГЛАВА IX

О ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНОВЛАСТИИ

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились два эти начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого–нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вождедения. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого–либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Поэтому тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворять притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделаться, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Эту последнюю часть разьясню подробней. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком–либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять–таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое–либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего несколько лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым. И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме или мессер Джорджо Скали во Флоренции. Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному – так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого–то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает лишь однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве,– только тогда он сможет положиться на их верность.

ГЛАВА X

КАК СЛЕДУЕТ ИЗМЕРЯТЬ СИЛЫ ВСЕХ ГОСУДАРСТВ

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем; нуждающимся в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен. Что делать в первом случае – о том речь впереди, хотя кое–что уже сказано выше. Что же до второго случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город, и будет обращаться с подданными так, как описано выше и добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди – враги всяких затруднительных препятствий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Города Германии, одни из самых свободных, имеют небольшие округа, повинуются императору, когда сами того желают, и не боятся ни его, ни кого-либо другого из сильных соседей, так как достаточно укреплены для того, чтобы захват их всякому показался трудным и изнурительным делом. Они обведены добротными стенами и рвами, имеют артиллерию сколько нужно и на общественных складах держат годовой запас продовольствия, питья и топлива; кроме того, чтобы прокормить простой народ, не истощая казны, они заготавливают на год работы в тех отраслях, которыми живет город, и в тех ремеслах, которыми кормится простонародье. Военное искусство у них в чести, и они поощряют его разными мерами.

Таким образом, государь, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен, не может подвергнуться нападению. Но если это и случится, неприятель принужден будет с позором ретироваться, ибо все в мире меняется с такой быстротой, что едва ли кто-нибудь сможет год продержаться войско в праздности, осаждая город. Мне возразят, что если народ увидит, как за городом горят его поля и жилища, он не выдержит долгой осады, ибо собственные заботы возьмут верх над верностью государю. На это я отвечу, что государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаживая излишне строптивых. Кроме того, неприятель обычно сжигает и опустошает поля при подходе к городу, когда люди еще разгорячены и полны решимости не сдаваться; когда же через несколько дней пыл поостынет, то урон уже будет нанесен и зло содеяно. А когда людям ничего не остается, как держаться своего государя, и сами они будут ожидать от него благодарности за то, что защищая его, позволили сжечь свои дома и разграбить имущество. Люди же по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им. Так по рассмотрении всех обстоятельств, скажу, что разумный государь без труда найдет способы укрепить дух горожан во все время осады, при условии, что у него хватит чем прокормить и оборонить город.

ГЛАВА XI

О ЦЕРКОВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти, независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же, на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.

Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не достигает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом. Однако же меня могут спросить, каким образом Церковь достигла такого могущества, что ее боится король Франции, что ей удалось изгнать его из Италии и разгромить венецианцев, тогда как раньше с ее светской властью не считались даже мелкие владетели и бароны, не говоря уж о крупных государствах Италии. Если меня спросят об этом, то, хотя все эти события хорошо известны, я сочту нелишним напомнить, как было дело.

Перед тем как Карл, французский король, вторгся в Италию, господство над ней было поделено между папой, венецианцами, королем Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. У этих властей было две главные заботы: во-первых, не допустить вторжения в Италию чужеземцев, во-вторых, удержать друг друга в прежних границах. Наибольшие подозрения внушали венецианцы и папа. Против венецианцев прочие образовали союз, как это было при защите Феррары; против папы использовались римские бароны. Разделенные на две партии – Колонна и Орсини, бароны постоянно затевали свары и, потрясая оружием на виду у главы Церкви, способствовали слабости и неустойчивости папства. Хотя кое-кто из пап обладал мужеством, как, например, Сикст, никому из них при всей опытности и благоприятных обстоятельствах не удавалось избавиться от этой напасти. Виною тому – краткость их правления, ибо за те десять лет, что в среднем проходили от избрания папы до его смерти, ему насилу удавалось разгромить лишь одну из враждующих партий. И если папа успевал, скажем, почти разгромить приверженцев Колонна, то преемник его, будучи сам врагом Орсини, давал возродиться партии Колонна и уже не имел времени разгромить Орсини. По этой самой причине в Италии невысоко ставили светскую власть папы.

Но когда на папский престол взошел Александр VI, он куда более всех своих предшественников сумел показать, чего может добиться глава Церкви, действуя деньгами и силой. Воспользовавшись приходом французов, он совершил посредством герцога Валентино все то, о чем я рассказал выше – там, где речь шла о герцоге. Правда труды его были направлены на возвеличение не Церкви, а герцога, однако же они обернулись величием Церкви, которая унаследовала плоды его трудов после смерти Александра и устранения герцога. Папа Юлий застал по восшествии могучую Церковь: она владела Романьей, смирила римских баронов, чьи партии распались под ударами Александра, и, сверх того, открыла новый источник пополнения казны, которым не пользовался никто до Александра.

Все это Юлий не только продолжил, но и придал делу больший размах. Он задумал присоединить Болонью, сокрушить Венецию и прогнать французов и осуществил этот замысел, к тем большей своей славе, что радел о величии Церкви, а не частных лиц. Кроме того, он удержал партии Орсини и Колонна в тех пределах, в каких застал их; и хотя кое-кто из главарей готов был посеять смуту, но их удерживало, во-первых, могущество Церкви, а во-вторых – отсутствие в их рядах кардиналов, всегда бывавших защитниками раздоров. Никогда между этими партиями не будет мира, если у них будут свои кардиналы: разжигая в Риме и вне его вражду партий, кардиналы втягивают в нее баронов, и так из властолюбия прелатов рождаются распри и усобицы среди баронов. Его святейшество папа Лев воспринял, таким образом, могучую Церковь; и если его предшественники возвеличили папство силой оружия, то нынешний глава Церкви внушает нам надежду на то, что возвеличит и прославит его еще больше своей добротой, доблестью и многообразными талантами.

ГЛАВА XII

О ТОМ, СКОЛЬКО БЫВАЕТ ВИДОВ ВОЙСК, И О НАЕМНЫХ СОЛДАТАХ

Выше мы подробно обсудили разновидности государств, названные мною в начале; отчасти рассмотрели причины благоденствия и крушения государей; выяснили, какими способами действовали те, кто желал завоевать и удержать власть. Теперь рассмотрим, какими средствами нападения и защиты располагает любое из государств, перечисленных выше. Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет. Основой же власти

во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому минуя законы, я перехожу прямо к войску.

Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным. Наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ибо наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы; поражение их отсрочено лишь настолько, насколько отсрочен решительный приступ; в мирное же время они разорят тебя не хуже, чем в военное неприятель. Объясняется это тем, что не страсть и не какое-либо другое побуждение удерживает их в бою, а только скудное жалование, что, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают тыл и бегут.

Надо ли доказывать то, что и так ясно: чем иным вызвано крушение Италии, как не тем, что она долгие годы довольствовалась наемным оружием? Кое для кого наемники действовали с успехом и не раз красовались отвагой друг перед другом, но когда вторгся чужеземный враг, мы увидели чего они стоят на самом деле. Так что Карлу, королю Франции, и впрямь удалось захватить Италию с помощью куска мела. А кто говорил, что мы терпим за грехи наши, сказал правду, только это не те грехи, какие он думал, а те, которые я перечислил. И так как это были грехи государей, то и расплачиваться пришлось им же.

Я хотел бы объяснить подробнее, в чем беда наемного войска. Кондотьеры по-разному владеют своим ремеслом: одни превосходно, другие – посредственно. Первым нельзя доверять потому, что они сами будут домогаться власти и ради нее свергнут либо тебя, их хозяина, либо другого, но не справившись о твоих намерениях. Вторым нельзя довериться потому, что они проиграют сражение. Мне скажут, что того же можно ждать от всякого, у кого в руках оружие, наемник он или нет. На это я отвечу: войско состоит в ведении либо государя, либо республики; в первом случае государь должен лично возглавить войско, приняв на себя обязанности военачальника; во втором случае республика должна поставить во главе войска одного из граждан; и если он окажется плох – сместить его, в противном случае – ограничить законами, дабы не преступал меры. Мы знаем по опыту, что только государи-полководцы и вооруженные республики добивались величайших успехов, тогда как наемники приносили один вред.

Рим и Спарта много веков простояли вооруженные и свободные. Швейцарцы лучше всех вооружены и более всех свободны. В древности наемников призывал Карфаген, каковой чуть не был ими захвачен после окончания первой войны с Римом, хотя карфагеняне поставили во главе войска своих же граждан. После смерти Эпаминонда фиванцы пригласили Филиппа Македонского возглавить их войско, и тот, вернувшись победителем, отнял у Фив свободу. Миланцы по смерти герцога Филиппа призвали на службу Франческо Сфорца, и тот, разбив венецианцев при Караваджо, соединился с неприятелем против миланцев, своих хозяев. Сфорца, его отец, состоя на службе у Джованны, королевы Неаполитанской, внезапно оставил ее безоружной, так что спасая королевство, она бросилась искать заступничества у короля Арагонского.

Мне скажут, что венецианцы и флорентийцы не раз утверждали свое владычество, пользуясь наемным войском, и однако, кондотьеры их не стали государями и честно защищали хозяев. На это я отвечу, что флорентийцам попросту везло: из тех доблестных кондотьеров, которых стоило бы опасаться, одним не

пришлось одержать победу, другие имели соперников, третьи домогались власти, но в другом месте. Как мы можем судить о верности Джованни Аукута, если за ним не числится ни одной победы, но всякий согласится, что, вернись он с победой, флорентийцы оказались бы в полной его власти. Сфорца и Браччо как соперники не спускали друг с друга глаз, поэтому Франческо перенес свои домогания в Ломбардию, а Браччо – в папские владения и в Неаполитанское королевство. А как обстояло дело недавно? Флорентийцы пригласили на службу Паоло Вителли, человека умнейшего и пользовавшегося огромным влиянием еще в частной жизни. Если бы он взял Пизу, разве не очевидно, что флорентийцам бы от него не отделаться?

Ибо перейди он на службу к неприятелю, им пришлось бы сдаться; останься он у них, им пришлось бы ему подчиниться.

Что же касается венецианцев, то блестящие и прочные победы они одерживали лишь до тех пор, пока воевали своими силами, то есть до того, как приступили к завоеваниям на материке. Аристократия и вооруженное простонародье Венеции не раз являли образцы воинской доблести, воюя на море, но стоило им перейти на сушу, как они переняли военный обычай всей Италии. Когда их завоевания на суше были невелики, и держава их стояла твердо, у них не было поводов опасаться своих кондотьеров, но когда владения их разрослись – а было это при Кроманьоле, – то они осознали свою оплошность. Кроманьола был известен им как доблестный полководец – под его началом они разбили Миланского герцога, – но, видя, что он тянет время, а не воюет, они рассудили, что победы он не одержит, ибо к ней не стремится, уволить же они сами его не посмеют, ибо побоятся утратить то, что завоевали: вынужденные обезопасить себя каким-либо способом, они его умертвили. Позднее они нанимали Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан-Северино, графа ди Питильяно и им подобных, которые внушали опасение не тем, что выиграют, а тем, что проиграют сражение. Как оно и случилось при Вайла, где венецианцы за один день потеряли все то, что с таким трудом собирали восемь столетий. Ибо наемники славятся тем, что медленно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают. И раз уж я обратился за примером к Италии, где долгие годы хозяйничают наемные войска, то для пользы дела хотел бы вернуться вспять, чтобы выяснить, откуда они пошли и каким образом набрали такую силу.

Надо знать, что в недавнее время, когда империя ослабла, а светская власть папы окрепла, Италия распалась на несколько государств. Многие крупные города восстали против угнетавших их нобилей, которым покровительствовал император, тогда как городам покровительствовала церковь в интересах своей светской власти; во многих других городах их собственные граждане возвысились до положения государей. Так Италия почти целиком оказалась под властью папы и нескольких республик. Однако вставшие у власти прелаты и граждане не привыкли иметь дело с оружием, поэтому они стали приглашать на службу наемников. Альбериго да Конио, уроженец Романьи, первым создал славу наемному оружию. Его выученики Браччо и Сфорца в свое время держали в руках всю Италию. За ними пошли все те, под чьим началом наемные войска состоят по сей день. Доблесть их привела к тому, что Италию из конца в конец прошел Карл, разорил Людовик, попрали Фердинанд и предали поруганию швейцарцы.

Начали они с того, что, возвышая себя, повсеместно унизили пехоту. Это нужно было затем, что, живя ремеслом и не имея владений, они не могли бы прокормить большого пешего войска, а малое не создало бы им славы. Тогда как, ограничившись кавалерией, они при небольшой численности обеспечили себе и сытость, и почет. Дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пехоты. В дальнейшем они проявили необычайную изворотливость для

того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа, при осаде ночью не идут на приступ; обороняя город, не делают вылазок к палаткам; не окружают лагерь частоколом и рвом, не ведут кампаний в зимнее время. И все это дозволяется их военным уставом и придумано ими нарочно для того, чтобы, как сказано, избежать опасностей и тягот военной жизни: так они довели Италию до позора и рабства.

ГЛАВА XIII

О ВОЙСКАХ СОЮЗНИЧЕСКИХ, СМЕШАННЫХ И СОБСТВЕННЫХ

Союзнические войска – еще одна разновидность бесполезных войск – это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты. Такими войсками воспользовался недавно папа Юлий: в военных действиях против Феррары он увидел, чего стоят его наемники, и сговорился с Фердинандом, королем Испанским, что тот окажет ему помощь кавалерией и пехотой. Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью.

Несмотря на то, что исторические сочинения содержат множество подобных примеров, я хотел бы сослаться на тот же пример папы Юлия. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг – довериться чужеземному государю ради того, чтобы захватить Феррару. И он был бы наказан за свою опрометчивость, если бы, на его счастье, судьба не рассудила иначе: союзническое войско его было разбито при Равенне, но благодаря тому, что внезапно появились швейцарцы и неожиданно для всех прогнали победителей, папа не попал в зависимость ни к неприятелю, ибо тот бежал, ни к союзникам, ибо победа была добыта не их оружием. Флорентийцы, не имея войска, двинули против Пизы десять тысяч французов – что едва не обернулось для них худшим бедствием, чем все, какие случались с ними в прошлом. Император Константинополя, воюя с соседями, призвал в Грецию десять тысяч турок, каковые по окончании войны не пожелали уйти, с чего и началось порабощение Греции неверными.

Итак, пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опасней наемного. Союзническое войско – это верная гибель тому, кто его призывает: оно действует как один человек и безраздельно повинуется своему государю; наемному же войску после победы нужно и больше времени, и более удобные обстоятельства, чтобы тебе повредить; в нем меньше единства, оно собрано и оплачиваемо тобой, и тот, кого ты поставил во главе его, не может сразу войти в такую силу, чтобы стать для тебя опасным соперником. Короче говоря, в наемном войске опаснее нерадивость, в союзническом войске – доблесть.

Поэтому мудрые государи всегда предпочитали иметь дело с собственным войском. Лучше, полагали они, проиграть со своими, чем выиграть с чужими, ибо не истинна та победа, которая добыта чужим оружием. Без колебаний сошлюсь опять на пример Цезаре Борджа. Поначалу, когда герцог только вступил в Романью, у него была французская конница, с помощью которой он захватил Имолу и Форли. Позже он понял ненадежность союзнического войска и, сочтя, что наемники менее для него опасны, воспользовался услугами Орсини и Вителли. Но, увидев, что те в деле нестойки и могут ему изменить, он избавился от них и набрал собственное войско. Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, когда у него были только французы, потом – наемное войско Орсини и Вителли и, наконец –

собственное войско. Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами.

Я намеревался не отступить от тех событий, которые происходили в Италии в недавнее время, но сошлюсь еще на пример Гиерона Сиракузского, так как упоминал о нем выше. Став, как сказано, волею сограждан военачальником Сиракуз, он скоро понял, что от наемного войска мало толку, ибо тогдашние кондотьеры были сродни теперешним. И так как он заключил, что их нельзя ни прогнать, ни оставить, то приказал их изрубить и с тех пор опирался только на свое, а не на чужое войско. Приходит на память и рассказ из Ветхого завета, весьма тут уместный. Когда Давид вызвал на бой Голиафа, единоборца из стана филистимлян, то Саул, дабы поддержать дух в Давиде, облачил его в свои доспехи, но тот отверг их, сказав, что ему не по себе в чужом вооружении и что лучше он пойдет на врага с собственной пращей и ножом. Так всегда и бывает, что чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо слишком громоздки.

Карл VII, отец короля Людовика XI, благодаря фортуне и доблести освободив Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовать постоянную конницу и пехоту. Позже король Людовик, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходится французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска: после упразднения пехоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеется выиграть сражение своими силами. Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могут, а без швейцарцев против других – не смеют. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное – и в таком виде намного превосходит целиком союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком состоящему из своих солдат. Ограничусь уже известным примером: Франция была бы непобедима, если бы усовершенствовала или хотя бы сохранила устройство войска, введенное Карлом.

Но неразумие людей таково, что они часто не замечают яда внутри того, что хорошо с виду, как я уже говорил выше по поводу чахоточной лихорадки.

Поэтому государь, который проглядел зарождающийся недуг, не обладает истинной мудростью, – но вовремя распознать его дано немногим. И если мы задумаемся об упадке Римской империи, то увидим, что он начался с того, что римляне стали брать на службу наемников – готов. От этого и пошло истощение сил империи, причем сколько силы отнималось у римлян, столько прибавлялось готам. В заключение же повторю, что без собственного войска государство непрочное – более того, оно всецело зависит от прихотей фортуны, ибо доблесть не служит ему верной защитой в трудное время. По мнению и приговору мудрых людей: "Quod nihil sit tam infirmum aut instabile, quam fama potentiae non sua vi nixa". ["Нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества". Тацит. *Анналы*, XIII, 19, т. 1. Л., 1970, с. 232. перевод А. С. Бобовича.]. Собственные войска суть те, которые составляются из подданных, граждан или преданных тебе людей, всякие же другие относятся либо к союзническим, либо к наемным. А какое им дать устройство, нетрудно заключить, если обдумать действия четырех названных мною лиц и рассмотреть, как устраивали и вооружали свои армии Филипп, отец Александра Македонского, и многие другие республики и государи, чьему примеру я всецело вверяюсь.

ГЛАВА XIV

КАК ГОСУДАРЬ ДОЛЖЕН ПОСТУПАТЬ КАСАТЕЛЬНО ВОЕННОГО ДЕЛА

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели.

Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти.

Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал Миланским герцогом, дети его, уклоняясь от тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным ремеслом, навлекает на себя много бед, и в частности презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже. Ибо вооруженный несопоставим с безоружным и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот в свою очередь его презирает. Так и государь, не сведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и в свою очередь не может на него положиться.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых – в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот. Такое изучение вдвойне полезно. Прежде всего благодаря ему лучше узнаешь собственную страну и можешь вернее определить способы ее защиты; кроме того, зная в подробностях устройство одной местности, легко понимаешь особенности другой, попадая туда впервые, ибо склоны, долины, равнины, болота и реки, предположим, в Тоскане имеют определенное сходство с тем, что мы видим в других краях, отчего тот, кто изучил одну местность, быстро осваивается и во всех прочих. Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости.

Филопемуну, главе ахейского союза, античные авторы расточают множество похвал, и в частности за то, что он и в мирное время ни о чем не помышлял, кроме военного дела. Когда он прогуливался с друзьями за городом, то часто останавливался и спрашивал: если неприятель займет тот холм, а наше войско

будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество? как наступать в этих условиях, сохраняя боевые порядки? как отступить, если нас вынудят к отступлению? как преследовать противника, если тот обратился в бегство? И так, продвигаясь вперед, предлагал все новые и новые обстоятельства из тех, какие случаются на войне; и после того, как выслушивал мнение друзей, высказывал свое и приводил доводы в его пользу, так постоянными размышлениями он добился того, что во время войны никакая случайность не могла бы застигнуть его врасплох.

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что – поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное – уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния. Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь – Александру, Сципион – Киру. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом. Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

ГЛАВА XV

О ТОМ, ЗА ЧТО ЛЮДЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРЕЙ, ВОСХВАЛЯЮТ ИЛИ ПОРИЦАЮТ

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам.

Зная, что об этом писали многие, я опасаясь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется

добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

ГЛАВА XVI

О ЩЕДРОСТИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее, тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь,— то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность — крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы. В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неслучайно. Папа Юлий желал слыть щедрым лишь до тех пор, пока не достиг папской власти, после чего, готовясь к войне, думать забыл о щедрости. Нынешний король Франции провел несколько войн без введения чрезвычайных налогов только потому, что, предвидя дополнительные расходы, проявлял упорную бережливость. Нынешний король Испании не предпринял бы и не выиграл стольких кампаний, если бы дорожил славой щедрого государя.

Итак, ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать по неволе алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость — это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором — необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором — как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая

чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое – ты только себе вредишь. Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных – это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, слывя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого, по неволе разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

ГЛАВА XVII

О ЖЕСТОКОСТИ И МИЛОСЕРДИИ И О ТОМ, ЧТО ЛУЧШЕ: ВНУШАТЬ ЛЮБОВЬ ИЛИ СТРАХ

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Цезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Риманье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей. Вергилий говорит устами Дидоны:

Res dura, et regni novitas me talia cogunt Moliri, et late fines custode tueri.

[“Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это Бдительно так рубежи охранять меня заставляет.” Вергилий. Энеида, кн. I, 563–564. М., “Художественная литература”, 1971. Перевод С. А. Ошерова.]

Однако новый государь не должен быть легковверен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернуться. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается

благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушить страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многочисленное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска. Среди удивительных деяний Ганнибала упоминают и следующее: отправившись воевать в чужие земли, он удержал от мятежа и распрей огромное и разноплеменное войско как в дни побед, так и в дни поражений. Что можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая вкупе с доблестью и талантами внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия. Между тем авторы исторических трудов, с одной стороны, превозносят сам подвиг, с другой – необдуманно порицают главную его причину.

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона – человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать, сказал, что он относится к той природе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава – если бы он распорядился единолично; но он состоял под властью сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

ГЛАВА XVIII

О ТОМ, КАК ГОСУДАРИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотушие и неуклонная честность. однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел,

кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека–полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее, обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими – полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямотушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь,

закljučают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь назвать, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

ГЛАВА XIX

О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗБЕГАТЬ НЕНАВИСТИ И ПРЕЗРЕНИЯ

Наиважнейшее из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершилось ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представляют для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решение государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствие духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем, как устоял Набид Спартанский, о чем сказано выше.

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры. Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но, открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он

может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда с одной стороны выгода явная, а с другой – сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя.

Короче говоря, на стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто–нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища.

По этому поводу я мог бы привести немало примеров, но ограничусь одним, который еще памятен нашим отцам. Мессер Аннибале Бентивольи, правитель Болоньи, дед нынешнего мессера Аннибале, был убит заговорщиками Каннески, после него не осталось других наследников, кроме мессера Джованни, который был еще в колыбели. Тотчас после убийства разгневанный народ перебил всех Каннески, ибо дом Бентивольи пользовался в то время народной любовью. И так она была сильна, что когда в Болонье не осталось никого из Бентивольи, кто мог бы управлять государством, горожане, прослышав о некоем человеке крови Бентивольи, считавшемся ранее сыном кузнеца, явились к нему во Флоренцию и вверили ему власть, так что он управлял городом до тех самых пор, пока мессер Джованни не вошел в подобающий правителю возраст.

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее – парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе.

Многие, пожалуй, скажут, что пример жизни и смерти некоторых римских императоров противоречит высказанному здесь мнению. Я имею в виду тех императоров, которые, прожив достойную жизнь и явив доблесть духа, либо лишились власти, либо были убиты вследствие заговора. Желая оспорить подобные возражения, я разберу качества нескольких императоров и докажу, что их привели к крушению как раз те причины, на которые я указал выше. Заодно я хотел бы выделить и все то наиболее поучительное, что содержится в жизнеописании императоров – преемников Марка, сына его Коммода, Пертинакса, Юлиана, Севера, сына его Антонина Каракаллы, Макрина, Гелиогабала, Александра и Максимиана.

Прежде всего надо сказать, что если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще жестокость и алчность войска. Многих эта тягостная

необходимость привела к гибели, ибо трудно было угодить одновременно и народу, и войску. Народ желал мира и спокойствия, поэтому предпочитал кротких государей, тогда как солдаты предпочитали государей воинственных, неистовых, жестоких и хищных – но только при условии, что эти качества будут проявляться по отношению к народу, так, чтобы самим получать двойное жалование и утолять свою жестокость и алчность.

Все это неизбежно приводило к гибели тех императоров, которым не было дано – врожденными свойствами или стараниями – внушать к себе такое почтение, чтобы удержать в повиновении и народ, и войско. Большая часть императоров – в особенности те, кто возвысился до императорской власти, а не получил ее по наследству, – оказавшись меж двух огней, предпочли угождать войску, не считаясь с народом. Но другого выхода у них и не было, ибо если государь не может избежать ненависти кого-либо из подданных, то он должен сначала попытаться не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызвать ненависти у тех, кто сильнее. Вот почему новые государи, особенно нуждаясь в поддержке, охотнее принимали сторону солдат, нежели народа. Но и в этом случае терпели неудачу, если не умели внушить к себе надлежащего почтения.

По указанной причине из трех императоров – Марка, Пертинакса и Александра, склонных к умеренности, любящих справедливость, врагов жестокости, мягких и милосердных, двоих постигла печальная участь. Только Марк жил и умер в величайшем почете, ибо унаследовал императорскую власть *jure hereditario* [по праву наследства (лат.)] и не нуждался в признании ее ни народом, ни войском. Сверх того, он внушил подданным почтение своими многообразными добродетелями, поэтому сумел удержать в должных пределах и народ, и войско и не был ими ни ненавидим, ни презираем. В отличие от него Пертинакс стал императором против воли солдат, которые, привыкнув к распущенности при Коммодe, не могли вынести честной жизни, к которой он принуждал их, и возненавидели его, а так как к тому же они презирали его за старость, то он и был убит в самом начале своего правления.

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно также, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступить от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо та часть подданных, чьеo расположение ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. Но перейдем к Александру: кротость его, как рассказывают ему в похвалу, была такова, что за четырнадцать лет его правления не был казнен без суда ни один человек. И все же он возбудил презрение, слывя чересчур изнеженным и послушным матери, и был убит вследствие заговора в войске.

В противоположность этим троим Коммод, Север, Антонин Каракалла и Максимин отличались крайней алчностью и жестокостью. Угрожая войску, они как могли разоряли и притесняли народ, и всех их, за исключением Севера, постигла печальная участь. Север же прославился такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то что разорял народ. Доблесть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение. И так как все совершенное им в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать, как он умел уподобляться то льву, то лисе, каковым, как я уже говорил, должны подражать государи.

Узнав о нерадивости императора Юлиана, Север убедил солдат, находившихся под его началом в Славонии, что их долг идти в Рим отомстить за смерть

императора Пертинакса, убитого преторианцами. Под этим предлогом он двинул войско на Рим, никому не открывая своего намерения добиться императорской власти, и прибыл в Италию прежде, чем туда донесся слух о его выступлении. Когда он достиг Рима, Сенат, испугавшись, провозгласил его императором и приказал убить Юлиана. Однако на пути Юлиана стояло еще два препятствия: в Азии Песценний Нигер, глава азийского войска, провозгласил себя императором, на западе соперником его стал Альбин. Выступить в открытую против обоих было опасно, поэтому Север решил на Нигера напасть открыто, а Альбина устранить хитростью. Последнему он написал, что, будучи возведен Сенатом в императорское достоинство, желает разделить с ним эту честь, просит его принять титул Цезаря и по решению Сената объявляет его соправителем. Тот все это принял за правду. Но после того, как войско Нигера было разбито, сам он умерщвлен, а дела на востоке улажены, Север вернулся в Рим и подал в Сенат жалобу: будто бы Альбин, забыв об оказанных ему Севером благодеяниях, покушался на его жизнь, почему он вынужден выступить из Рима, чтобы покарать Альбина за неблагодарность. После чего он настиг Альбина во Франции и лишил его власти и жизни.

Вдумавшись в действия Севера, мы убедимся в том, что он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса; что он всем внушил страх и почтение и не возбудил ненависти войска. Поэтому мы не станем удивляться, каким образом ему, новому государю, удалось так упрочить свое владычество: разоряя подданных, он не возбудил их ненависти, ибо был защищен от нее своей славой. Сын его Антонин также был личностью замечательной и, сумев поразить воображение народа, был угоден солдатам. Он был истинный воин, сносивший любые тяготы, презиравший изысканную пищу, чуждый изнеженности, и за это пользовался любовью войска. Но, проявив неслыханную свирепость и жестокость – им было совершено множество убийств и истреблены все жители Александрии и половина жителей Рима, – он стал ненавистен всем подданным и даже внушил страх своим приближенным, так что был убит на глазах своего войска одним из центурионов.

Здесь уместно заметить, что всякий, кому не дорога жизнь, может совершить покушение на государя, так что нет верного способа избежать гибели от руки человека одержимого. Но этого не следует так уж бояться, ибо подобные покушения случаются крайне редко. Важно лишь не подвергать оскорблению окружающих тебя должностных лиц и людей, находящихся у тебя в услужении, то есть не поступать как Антонин, который предал позорной смерти брата того центуриона, каждый день грозил смертью ему самому, однако же, продолжал держать его у себя телохранителем. Это было безрассудно и не могло не кончиться гибелью Антонина, что, как мы знаем, и случилось.

Обратимся теперь к Коммоду. Будучи сыном Марка, он мог без труда удержать власть, полученную им по наследству. Если бы он шел по стопам отца, то этим всего лучше угодил бы и народу, и войску, но, как человек жестокий и низкий, он стал заискивать у войска и поощрять в нем распущенность, чтобы с его помощью обирать народ. Однако он возбудил презрение войска тем, что унижал свое императорское достоинство, сходясь с гладиаторами на арене, и совершал много других мерзостей, недостойных императорского величия. Ненавидимый одними и презираемый другими, он был убит вследствие заговора среди его приближенных.

Остается рассказать о качествах Максимиана. Это был человек на редкость воинственный, и после того как Александр вызвал раздражение войска своей изнеженностью, оно провозгласило императором Максимиана. Но править ему пришлось недолго, ибо он возбудил ненависть и презрение войска тем, что, во-первых, пас когда-то овец во Фракии – это обстоятельство, о котором все знали, являлось позором в глазах его подданных; во-вторых, провозглашенный императором, он отложил выступление в Рим, где должен был принять знаки

императорского достоинства, и прославил себя жестокостью, произведя через своих префектов жесточайшие расправы в Риме и повсеместно. После этого презрение к нему за его низкое происхождение усугубилось ненавистью, внушенной страхом перед его свирепостью, так что против него восстала сначала Африка, потом Сенат и весь римский народ, и, наконец, в заговор оказалась вовлеченной вся Италия. К заговору примкнули его собственные солдаты, осаждавшие Аквилею, которые были раздражены его жестокостью и трудностями осады: видя, что у него много врагов, они осмелели и убили императора.

Я не буду касаться Гелиогабала, Макрина и Юлиана как совершенно ничтожных и неприметно сошедших правителей, но перейду к заключению. В наше время государям нет такой уж надобности угрожать войску. Правда, войско и сейчас требует попечения; однако эта трудность легко разрешима, ибо в наши дни государь не имеет дела с солдатами, которые тесно связаны с правителями и властями отдельных провинций, как это было в Римской империи. Поэтому если в то время приходилось больше угрожать солдатам, ибо войско представляло большую силу, то в наше время всем государям, кроме султанов, турецкого и египетского, важнее угодить народу, ибо народ представляет большую силу.

Турецкий султан отличается от других государей тем, что он окружен двенадцатитысячным пешим войском и пятнадцатитысячной конницей, от которых зависит крепость и безопасность его державы. Такой государь поневоле должен, отложив прочие заботы, стараться быть в дружбе с войском. Подобным же образом султану египетскому, зависящему от солдат, необходимо, хотя бы в ущерб народу, ладить со своим войском. Заметьте, что государство султана египетского устроено не так, как все прочие государства, и сопоставимо лишь с папством в христианском мире. Его нельзя назвать наследственным, ибо наследниками султана являются не его дети, а тот, кто избран в преемники особо на то уполномоченными лицами. Но его нельзя назвать и новым, ибо порядок этот заведен давно, и перед султаном не встает ни одна из тех трудностей, с которыми имеют дело новые государи. Таким образом, несмотря на то, что султан в государстве – новый, учреждения в нем – старые, и они обеспечивают преемственность власти, как при обычном ее наследовании.

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение, и пойдем, почему из тех, кто действовал противоположными способами, только двоим выпал счастливый, а остальным несчастный конец. Дело в том, что Пертинаксу и Александру, как новым государям, было бесполезно и даже вредно подражать Марку, ставшему императором по праву наследства, а Коммоду и Максимино пагубно было подражать Северу, ибо они не обладали той доблестью, которая позволяла бы им следовать его примеру. Соответственно, новый государь в новом государстве не должен ни подражать Марку, ни уподобляться Северу, но должен у Севера позаимствовать то, без чего нельзя основать новое государство, а у Марка – то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность.

ГЛАВА XX

О ТОМ, ПОЛЕЗНЫ ЛИ КРЕПОСТИ, И МНОГОЕ ДРУГОЕ, ЧТО ПОСТОЯННО ПРИМЕНЯЮТ ГОСУДАРИ.

Одни государи, чтобы упрочить свою власть, разоружали своих подданных, другие поддерживали раскол среди граждан в завоеванных городах, одни намеренно создавали себе врагов, другие предпочли добиваться расположения тех,

в ком сомневались, придя к власти; одни воздвигали крепости, другие – разоряли их и разрушали до основания. Которому из этих способов следует отдать предпочтение, сказать трудно, не зная, каковы были обстоятельства в тех государствах, где принималось то или иное решение; однако же я попытаюсь высказаться о них, отвлекаясь от частных настолько, насколько это дозволяется предметом.

Итак, никогда не бывало, чтобы новые государи разоружали подданных, – напротив, они всегда вооружали их, если те оказывались не вооруженными, ибо, вооружая подданных, обретаешь собственное войско, завоевываешь преданность одних, укрепляешь преданность в других и таким образом обращаешь подданных в своих приверженцев. Всех подданных невозможно вооружить, но если отличить хотя бы часть их, то это позволит с большой уверенностью полагаться и на всех прочих. Первые, видя, что им оказано предпочтение, будут благодарны тебе, вторые простят тебя, рассудив, что тех и следует отличать, кто несет больше обязанностей и подвергается большим опасностям. Но, разоружив подданных, ты оскорбишь их недоверием и проявишь тем самым трусость или подозрительность, а оба эти качества не прощаются государям. И так как ты не сможешь обойтись без войска, то поневоле обратишься к наемникам, а чего стоит наемное войско – о том уже шла речь выше; но, будь они даже отличными солдатами, их сил недостаточно для того, чтобы защитить тебя от могущественных врагов и неверных подданных.

Впрочем, как я уже говорил, новые государи в новых государствах всегда создавали собственное войско, что подтверждается множеством исторических примеров. Но если государь присоединяет новое владение к старому государству, то новых подданных следует разоружить, исключая тех, кто содействовал завоеванию, но этим последним надо дать изнежиться и расслабиться, ведя дело к тому, чтобы, в конечном счете, во всем войске остались только коренные подданные, живущие близ государя.

Наши предки, те, кого почитали мудрыми, говаривали, что Пистойю надо удерживать раздорами, а Пизу – крепостями, почему для укрепления своего владычества поощряли распри в некоторых подвластных им городах. В те дни, когда Италия находилась в относительном равновесии, такой образ действий мог отвечать цели. Но едва ли подобное наставление пригодно в наше время, ибо сомневаюсь, чтобы расколы когда-либо кончались добром; более того, если подойдет неприятель, поражение неминуемо, так как более слабая партия примкнет к нападающим, а сильная – не сможет отстоять город.

Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов в подвластных им городах – вероятно, по тем самым причинам, какие я называю. Не доводя дело до кровопролития, они стравливали тех и других, затем, чтобы граждане, занятые распрей, не объединили против них свои силы. Но как мы видим, это не принесло им пользы: после разгрома при Вайла сначала часть городов, а затем и все они, осмелев, отпали от венецианцев. Победные приемы изобличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

Без сомнения государи обретают величие, когда одолевают препятствия и сокрушают недругов, почему фортуна, – в особенности если она желает возвеличить нового государя, которому признание нужней, чем наследному, – сама насылает ему врагов и принуждает вступить с ними в схватку для того, чтобы, одолев их, он по подставленной ими лестнице поднялся как можно выше. Однако многие полагают, что мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии.

Нередко государи, особенно новые, со временем убеждаются в том, что более преданные и полезные для них люди – это те, кому они поначалу не доверяли. Пандольфо Петруччи, властитель Сиены, правил своим государством, опираясь более на тех, в ком раньше сомневался, нежели на всех прочих. Но тут нельзя говорить отвлеченно, ибо все меняется в зависимости от обстоятельств. Скажу лишь, что расположением тех, кто поначалу был врагом государя, ничего не стоит заручиться в том случае, если им для сохранения своего положения требуется его покровительство. И они тем ревностнее будут служить государю, что захотят делами доказать превратность прежнего о них мнения. Таким образом, они всегда окажутся полезнее для государя, нежели те, кто, будучи уверен в его благоволении, чрезмерно печется о своем благе.

И так как этого требует обсуждаемый предмет, то я желал бы напомнить государям, пришедшим к власти с помощью части граждан, что следует вдумываться в побуждения тех, кто тебе помогал, и если окажется, что дело не в личной приверженности, а в недовольстве прежним правлением, то удержать их дружбу будет крайне трудно, ибо удовлетворить таких людей невозможно. Если на примерах из древности и современной жизни мы попытаемся понять причину этого, то увидим, что всегда гораздо легче приобрести дружбу тех, кто был доволен прежней властью и потому враждебно встретил нового государя, нежели сохранить дружбу тех, кто был недоволен прежней властью и потому содействовал перевороту.

Издавна государи ради упрочения своей власти возводят крепости, дабы ими, точно уздой и поводьями, сдерживать тех, кто замышляет крамолу, а также дабы располагать надежным убежищем на случай внезапного нападения врага. Могу похвалить этот ведущийся издавна обычай. Однако в нашей памяти мессер Николо Вителли приказал срыть две крепости в Читта ди Каstellо, чтобы удержать в своих руках город. Гвидо Убальдо, вернувшись в свои владения, откуда его изгнал Чезаре Борджа, разрушил до основания все крепости этого края, рассудив, что так ему будет легче удержать государство. Семейство Бентивольи, вернувшись в Болонью, поступило подобным же образом. Из чего следует, что полезны крепости или нет – зависит от обстоятельств, и если в одном случае они во благо, то в другом случае они во вред. Разъясню подробнее: тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Так семейству Сфорца замок в Милане, построенный герцогом Франческо Сфорца, нанес большой урон, нежели все беспорядки, случившиеся в государстве. Поэтому лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы. В наши дни от крепостей никому не было пользы, кроме разве графини Форли, после смерти ее супруга, графа Джироламо; благодаря замку ей удалось укрыться от восставшего народа, дожидаться помощи из Милана и возвратиться к власти; время же было такое, что никто со стороны не мог оказать поддержку народу; но впоследствии и ей не помогли крепости, когда ее замок осадил Чезаре Борджа и враждебный ей народ примкнул к чужеземцам. Так что для нее было бы куда надежнее и тогда, и раньше, не возводить крепости, а постараться не возбудить ненависти народа.

Итак, по рассмотрении всего сказанного выше, я одобряю и тех, кто строит крепости, и тех, кто их не строит, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу.

ГЛАВА XXI

КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. Из нынешних правителей сошлюсь на Фердинанда Арагонского, короля Испании. Его можно было бы назвать новым государем, ибо, слабый вначале, он сделался по славе и блеску первым королем христианского мира; и все его действия исполнены величия, а некоторые поражают воображение. Основанием его могущества послужила война за Гренаду, предпринятая вскоре после вступления на престол. Прежде всего, он начал войну, когда внутри страны было тихо, не опасаясь, что ему помешают, и увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию. Деньги на содержание войска он получил от Церкви и народа и, пока длилась война, построил армию, которая впоследствии создала ему славу. После этого, замыслив еще более значительные предприятия, он, действуя опять—таки как защитник религии, сотворил благочестивую жестокость: изгнал марранов и очистил от них королевство — трудно представить себе более безжалостный и в то же время более необычайный поступок. Под тем же предлогом он захватил земли в Африке, провел кампанию в Италии и, наконец, вступил в войну с Францией. Так он обдумывал и осуществлял великие замыслы, держа в постоянном восхищении и напряжении подданных, увлечённо следивших за ходом событий. И все эти предприятия так вытекали одно из другого, что некогда было замыслить что—либо против самого государя.

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милано, иначе говоря, когда кто—либо совершает что—либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого — это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. Ибо в первом случае, не вступив в войну, ты станешь добычей победителя к радости и удовлетворению побежденного, сам же ни у кого не сможешь получить защиты: победитель отвергнет союзника, бросившего его в несчастье, а побежденный не захочет принять к себе того, кто не пожелал с оружием в руках разделить его участь. Антиох, которого этолийцы призвали в Грецию, чтобы прогнать римлян, послал своих ораторов к ахейцам, союзникам римлян, желая склонить ахейцев к невмешательству. Римляне, напротив, убеждали ахейцев вступить в войну. Тогда, чтобы решить дело, ахейцы созвали совет, легат Антиоха призывал их не браться за оружие, римский легат говорил так: *"Quod autem isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis"*. [Что до решения, которое предлагается вам как наилучшее и наивыгоднейшее для вашего государства, а именно не вмешиваться в войну, то нет для вас ничего худшего, ибо, приняв это решение, без награды и без чести станете добычей победителя (лат.)].

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих, и твой союзник одержит победу, то, как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе – люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог попрасть справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника, а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость, как о том сказано выше. Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям. Венецианцы, к примеру, вступили в союз с Францией против Миланского герцога, когда могли этого избежать, следствием чего и явилось их крушение. Но если нет возможности уклониться от союза, как обстояло дело у флорентийцев, когда папа и Испания двинули войска на Ломбардию, то государь должен вступить в войну, чему причины я указал выше. Не стоит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почести за благо.

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

ГЛАВА XXII

О СОВЕТНИКАХ ГОСУДАРЕЙ

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и

о государе заключат соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. Из тех, кто знал мессера Антонио да Венафро, помощника Пандольфо Петруччо, правителя Сиены, никто не усомнился бы в достоинствах и самого Пандольфо, выбравшего себе такого помощника.

Ибо умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный. Из сказанного неопровержимо следует, что ум Пандольфо был если не первого, то второго рода. Ибо когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников и за доброе вознаградит, а за дурное – взыщет; да и помощники его не понадеются обмануть государя и будут добросовестно ему служить.

Есть один безошибочный способ узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться. Ибо министр, в чьих руках дела государства, обязан думать не о себе, а о государе, и не являться к нему ни с чем, что не относится до государя. Но и государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоился переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого.

ГЛАВА XXIII

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛЬСТЕЦОВ

Я хочу коснуться еще одного важного обстоятельства, а именно одной слабости, от которой трудно уберечься правителям, если их не отличает особая мудрость и знание людей. Я имею в виду лесть и льстецов, которых во множестве приходится видеть при дворах государей, ибо люди так тщеславны и так обольщаются на свой счет, что с трудом могут уберечься от этой напасти. Но беда еще и в том, что когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение. Ибо нет другого способа оградить себя от лести, как, внушив людям, что, если они выскажут тебе всю правду, ты не будешь на них в обиде, но когда каждый сможет говорить тебе правду, тебе перестанут оказывать должное почтение.

Поэтому благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных.

Сошлюсь на один современный пример. Отец Лука, доверенное лицо императора Максимилиана, говоря о его величестве, заметил, что тот ни у кого

совета не просит, но по—своему тоже не поступает именно оттого, что его образ действий противоположен описанному выше. Ибо император человек скрытный, намерений своих никому не поверяет, совета на их счет не спрашивает. Но когда по мере осуществления они выходят наружу, то те, кто его окружают, начинают их оспаривать, и государь, как человек слабый, от них отступается. Поэтому начатое сегодня назавтра отменяется, и никогда нельзя понять, чего желает и что намерен предпринять император, и нельзя положиться на его решение.

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто—либо почему—либо опасается творить ему правду. Многие полагают, что кое—кто из государей, слывающих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

ГЛАВА XXIV

ПОЧЕМУ ГОСУДАРИ ИТАЛИИ ЛИШИЛИСЬ СВОИХ ГОСУДАРСТВ

Если новый государь разумно следует названным правилам, он скоро утвердится в государстве и почувствует себя в нем прочнее и увереннее, чем если бы получил власть по наследству. Ибо новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный правитель, и если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода. Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом. И двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покроет себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Если мы обратимся к тем государям Италии, которые утратили власть, таким, как король Неаполитанский, герцог Миланский и другие, то мы увидим, что наиболее уязвимым их местом было войско, чему причины подробно изложены выше. Кроме того, некоторые из них либо враждовали с народом, либо, расположив к себе народ, не умели обезопасить себя со стороны знати. Ибо там, где нет подобных изъянов, государь не может утратить власть, если имеет достаточно сил, чтобы выставить войско. Филипп Македонский, не отец Александра Великого, а тот, что был разбит Титом Квинцием, имел небольшое государство по сравнению с теми великими, что на него напали,— Римом и Грецией, но, будучи воином, а также умея расположить к себе народ и обезопасить себя от знати, он выдержал многолетнюю войну против

римлян и греков и хотя потерял под конец несколько городов, зато сохранил за собой царство.

Так что пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, – когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно. Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради него от всех прочих точно так же, как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом и унижительном. А только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

ГЛАВА XXV

КАКОВА ВЛАСТЬ СУДЬБЫ НАД ДЕЛАМИ ЛЮДЕЙ И КАК МОЖНО ЕЙ ПРОТИВОСТОЯТЬ

Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем.

И однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всеисилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений. Взгляните на Италию, охваченную ею же вызванным бурным потоком событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или, по крайней мере, не причинить столь значительных разрушений. Этим, я полагаю, сказано достаточно о противостоянии судьбе вообще.

Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство. Объясняется это, я полагаю, теми причинами, которые были подробно разобраны выше, а именно тем, что если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.

Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаюсь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой натиском; один – силой, другой – искусством; один – терпением, другой – противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например, осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском,— оба в равной мере добились успеха. Зависит же это именно оттого, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой – не совпадает. Поэтому бывает так, что двое, действуя по-разному, одинаково добиваются успеха, а бывает так, что двое действуют одинаково, но только один из них достигает цели.

От того же зависят и превратности благополучия: пока для того, кто действует осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменял своего образа действий. И нет людей, которые умели бы к этому приспособиться, как бы они ни были благоразумны. Во-первых, берут верх природные склонности, во-вторых, человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до того времени неизменно преуспевал. Вот почему осторожный государь, когда настает время применить натиск; не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Папа Юлий всегда шел напролом, время же и обстоятельства благоприятствовали такому образу действий, и потому он каждый раз добивался успеха. Вспомните его первое предприятие – захват Болоньи, еще при жизни мессера Джованни Бентивольи. Венецианцы были против, король Испании тоже, с Францией еще велись об этом переговоры, но папа сам выступил в поход, с обычной для него неукротимостью и напором. И никто этому не воспрепятствовал, венецианцы – от страха, Испания – надеясь воссоединить под своей властью Неаполитанское королевство; уступил и французский король, так как, видя, что Папа уже в походе, и желая союза с ним против венецианцев, он решил, что не может без явного оскорбления отказать ему в помощи войсками.

Этим натиском и внезапностью папа Юлий достиг того, чего не достиг бы со всем доступным человеку благоразумием никакой другой глава Церкви; ибо, останься он в Риме, выжидая, пока все уладится и образуется, как сделал бы всякий на его месте, король Франции нашел бы тысячу отговорок, а все другие – тысячу доводов против захвата. Я не буду говорить о прочих его предприятиях, все они были того же рода, и все ему удавались; из-за краткости правления он так и не испытал неудачи, но, проживи он дольше и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришел бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекала натура.

Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен бить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина,— подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают.

ГЛАВА XXVI

ПРИЗЫВ ОВЛАДЕТЬ ИТАЛИЕЙ И ОСВОБОДИТЬ ЕЕ ИЗ РУК ВАРВАРОВ

Обдумывая все сказанное и размышляя наедине с собой, настало ли для Италии время чествовать нового государя и есть ли в ней материал, которым мог бы воспользоваться мудрый и доблестный человек, чтобы придать ему форму – во славу себе и на благо отечества, – я заключаю, что столь многое благоприятствует появлению нового государя, что едва ли какое-либо другое время подошло бы для этого больше, чем наше. Как некогда народу Израиля надлежало пребывать в рабстве у египтян, дабы Моисей явил свою доблесть, персам – в угнетении у мидийцев, дабы Кир обнаружил величие своего духа, афинянам – в разобщении, дабы Тезей совершил свой подвиг, так и теперь, дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах.

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот, кого Бог назначил стать избавителем Италии, но немилость судьбы настигала его на подступах к цели. Италия же, теряя последние силы, ожидает того, кто исцелит ей раны, спасет от разграбления Ломбардию, от поборов – Неаполитанское королевство и Тоскану, кто уврачуеет ее гноящиеся язвы. Как молит она Бога о ниспослании ей того, кто избавит ее от жестокости и насилия варваров! Как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!

И самые большие надежды возлагает она ныне на ваш славный дом, каковой, благодаря доблести и милости судьбы, покровительству Бога и Церкви, глава коей принадлежит к вашему дому, мог бы принять на себя дело освобождения Италии. Оно окажется не столь уж трудным, если вы примете за образец жизнь и деяния названных выше мужей. Как бы ни были редки и достойны удивления подобные люди, все же они – люди, и каждому из них выпал случай не столь благоприятный, как этот. Ибо дело их не было более правым, или более простым, или более угодным Богу. Здесь дело поистине правое, – *"Iustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est"*. [Ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда (лат.)]. Здесь условия поистине благоприятны, а где благоприятны условия, там трудности отступают, особенно если следовать примеру тех мужей, которые названы мною выше. Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божии: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишит нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Не удивительно, что ни один из названных выше итальянцев не достиг цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш прославленный дом, и что при множестве переворотов и военных действий в Италии боевая доблесть в ней как будто угасла. Объясняется это тем, что старые ее порядки нехороши, а лучших никто не сумел ввести. Между тем ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений. Когда они прочно утверждены и отмечены величием, государю воздают за них почестями и славой; в Италии же достаточно материала, которому можно придать любую форму. Велика доблесть в каждом из ее сынов, но, увы, мало ее в предводителях. Взгляните на поединки и небольшие схватки: как выделяются итальянцы ловкостью, находчивостью, силой. Но в сражениях они как будто теряют все эти качества. Виной же всему слабость военачальников: если кто

и знает дело, то его не слушают, и хотя знающим объявляет себя каждый, до сих пор не нашлось никого, кто бы так отличился доблестью и удачей, чтобы перед ним склонились все остальные. Поэтому за прошедшие двадцать лет во всех войнах, какие были за это время, войска, составленные из одних итальянцев, всегда терпели неудачу, чему свидетели, прежде всего, Таро, затем Алессандрия, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья и Местри.

Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат. Но как бы ни был хорош каждый из них в отдельности, вместе они окажутся еще лучше, если во главе войска увидят своего государя, который чтит их и отличает. Такое войско поистине необходимо, для того чтобы итальянская доблесть могла отразить вторжение иноземцев. Правда, испанская и швейцарская пехота считается грозной, однако же, в той и другой имеются недостатки, так что иначе устроенное войско могло бы не только выстоять против них, но даже их превзойти. Ибо испанцы отступают перед конницей, а швейцарцев может устрашить пехота, если окажется не менее упорной в бою. Мы уже не раз убеждались и еще убедимся в том, что испанцы отступали перед французской кавалерией, а швейцарцы терпели поражение от испанской пехоты. Последнего нам еще не приходилось наблюдать в полной мере, но дело шло к тому в сражении при Равенне – когда испанская пехота встретилась с немецкими отрядами, устроенными наподобие швейцарских. Ловким испанцам удалось пробраться, прикрываясь маленькими щитами, под копыта и, находясь в безопасности, разить неприятеля так, что тот ничего не мог с ними поделать, и если бы на испанцев не налетела конница, они добились бы неприятельскую пехоту. Таким образом, изучив недостатки того и другого войска, нужно построить новое, которое могло бы устоять перед конницей и не боялось бы чужой пехоты, что достигается как новым родом оружия, так и новым устройством войска. И все это относится к таким нововведениям, которые более всего доставляют славу и величие новому государю.

Итак, нельзя упустить этот случай: пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жадной мщенья, с какой непоколебимой верой, с какими слезами! Какие двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петранкой

Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце.

Никколо Макиавелли

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ

I. К РИЧЧАРДО БЕККИ¹

Дабы получить полное представление, как вы желали, о здешних событиях, связанных с братом ², узнайте, что кроме двух проповедей, копия которых у вас уже есть, он произнес в масленичное воскресенье еще одну и после пространных излияний призвал всех своих сторонников собраться в день карнавала в монастыре Сан Марко – он заявил, что будет молить о более явном знамении, если данные ему предсказания исходили не от Бога. Доминиканец сделал это, как говорят некоторые, чтобы крепче сплотить свою партию и поднять ее на свою защиту, ибо он опасался противодействия вновь сформированной Синьории, состав которой не был еще обнародован. Когда же в понедельник состав Синьории, о котором вы, вероятно, хорошо осведомлены, был объявлен, он увидел, что две с лишним трети враждебны ему, а так как папа ³ в своем бреве под угрозой интердикта требовал его выдачи, и доминиканец боялся, как бы Синьория ему не подчинилась, то он решил, возможно, по совету друзей, прекратить проповеди у святой Репараты ⁴ и перебраться в Сан Марко. Поэтому в понедельник утром, со вступлением в должность новой Синьории, еще в святой Репарате он объявил, что во избежание беспорядков и ущерба для божьего дела отправляется назад, так что пускай мужчины приходят слушать его в Сан Марко, а женщины пусть собираются у Фра Доменико ⁵, в Сан Лоренцо. Итак, когда наш брат оказался дома, он стал проповедовать на удивление смело и продолжает в том же духе, ибо страшась за свою судьбу и ожидая от новой Синьории враждебных действий, а равно рассчитав, что его падение будет гибельным для многих сограждан, он стал их запугивать и, на первый взгляд, очень убедительно, всячески восхваляя своих последователей и черня противников. Тут он употребил все средства, чтобы ослабить враждебную партию и [442]выставить преимущества своей ⁶; об этом я, как очевидец, расскажу несколько подробнее.

Первую проповедь в Сан Марко брат произнес на следующие слова Исхода: *"Но чем более изнуряли их, тем более народ умножался и увеличивался"* ⁷, и прежде чем приступить к изъяснению этих слов, он указал причину своего возвращения, говоря: *"Благоразумие есть правильное постижение возможного"* ⁸. Далее он сказал, что все люди устремлены к той или иной цели: для христиан эта цель – Христос, для прочих людей прошлого и настоящего цель вытекает из их религии. Мы, будучи христианами, соразмеряем наши поступки с нашей целью – Христом и, чтобы не уронить его высокого достоинства, должны благоразумно учитывать меняющиеся обстоятельства, так что когда... требуется положить жизнь за Христа, жертвовать ею, а когда следует укрываться, так и поступать, подражая тому, что мы читаем о Христе и о святом Павле. Так мы, добавил он, должны действовать и так мы действовали: когда необходимо было вступить в противоборство с безумием, мы так и сделали, в день Вознесения ⁹, ибо того требовали обстоятельства и честь Господня, теперь же, когда ради Господа нужно склониться перед гневом, мы уступили. После этого краткого вступления он выстроил две шеренги – в одной воинствующие под водительством Божьим, здесь он и его сторонники, в другой находятся приспешники дьявола, то есть его враги. И приступив к более пространному изложению, он стал объяснять вышеприведенные слова Исхода, говоря, что вследствие гонений умножение добрых людей происходит двояким способом: духовным и количественным; духовным, поскольку в несчастье человек обращается к Богу и укрепляется, приближаясь к движущему его, как теплая вода

при поднесении огня становится еще горячее, ибо в нем заключается движущая сила его тепла. Возрастают они также и числом, потому что существуют три рода людей: праведные – а это те, кто следует за мной; испорченные и закоренелые, то есть противники, и еще один тип людей, расточающих свою жизнь в удовольствиях, эти не упорствуют в дурных поступках, но не заботятся и о добрых делах, ибо не отличают одно от другого. Но поскольку деяния праведников и дурных отличаются друг от друга, *ибо противоположности при сопоставлении выступают резко*, люди третьего типа распознают испорченность дурных и простодушие добрых, а так как по природе нам свойственно избегать зла и стремиться к добру, они примыкают к последним и сторонятся первых, почему в несчастье и умножается число праведных, число же дурных уменьшается, и *это тем более и т.д.* Я передаю все это вкратце, потому что эпистолярный стиль не терпит пространных речей. Затем, пустившись, по своему обыкновению, во всякие рассуждения, он заявил, желая ослабить своих противников и перебросить мостик к следующей проповеди, что вследствие наших распрей воздвигнется тиран, который [443]разрушит наши дома и разорит весь город, но это не противоречит сказанному им, что Флоренцию ждет процветание и господство над всей Италией, ибо тиран продержится недолго и будет изгнан; и на том он закончил свою проповедь.

На следующее утро, продолжая толкование Исхода и дойдя до того места, где говорится, как Моисей умертвил египтянина ¹⁰, он объявил, что египтянин представляет дурных людей, Моисей же – проповедника, который умерщвляет таковых, разоблачая их пороки, и тут он сказал: "О египтянин, я поражу тебя насмерть", и вскрыл всю вашу подноготную, о попы, обращаясь с вами, как с падалью, на которую и псы не польстятся. Потом он прибавил (а к этому он и вел), что хочет нанести египтянину другую тяжкую рану, и сообщил, что Бог открыл ему, будто во Флоренции некто намеревается установить тираническую власть, и с этой целью строит козни и заговоры, и хочет изгнать брата, отлучить брата, преследовать брата, а это и есть не что иное, как стремление к тирании; и что нужно соблюдать законы. И он столько наговорил, что на следующий день подверглось публичному обвинению одно лицо, которое столь же близко к тирании, как вы к небесам. Но затем, когда Синьория заступилась за доминиканца перед папой, и когда он убедился, что врагов во Флоренции больше нечего бояться, тут он завел другую музыку, и если раньше пытался только сплотить свою партию, внушая ненависть к противникам и запугивая их словом "тиран", то теперь, не упоминая больше ни о тирании, ни о преступных происках, призывает сохранить единство и настраивает всех против верховного понтифика, на которого обратил ныне свои злые укусы, отзываясь о нем, как о самом последнем негодяе. Так он, по моему мнению, сообразуется с обстоятельствами момента и приукрашивает свое вранье.

Засим оставляю на ваше сужденье толки, которые ходят в народе, людские ожидания и страхи, ибо вы человек благоразумный и можете судить о них лучше меня, потому что отлично осведомлены о наших настроениях, об особенностях момента и о намерениях папы, находясь там поблизости. Прошу вас только об одном: коль скоро вы не сочли за труд прочесть мое письмо, пусть вам не покажется обременительным и ответить, каково ваше мнение о нынешних обстоятельствах и настроениях с точки зрения здешних дел. *Будьте здоровы.*

Флоренция, 9 марта 1497 ¹¹.

Ваш Никколо ди м[эссер] Бернарда Макиавелли [444]

II. К ДЖОВАННИ БАТТИСТЕ СОДЕРИНИ ¹²

СЕНТЯБРЬ 1506 г.

("Фантазии, адресованные Содерини"). Перуджа.

Ваше письмо явилось передо мной в маске¹³, но с первых же слов я распознал его. Зная вас я охотно верю паломничеству в Пьомбино; но не сомневаюсь в ваших с Филиппе затруднениях, ведь одного из вас смущает недостаток света, а другого – его избыток¹⁴. Январь меня не беспокоит, лишь бы февраль не подвел¹⁵. Я огорчен опасениями Филиппе¹⁶ и с трепетом жду, чем это кончится. (А). Ваше письмо было кратким, но для меня – я читал его и перечитывал – оказалось длинным. Оно доставило мне удовольствие, потому что дало случаи сделать то, к чему я никак не мог приступить¹⁷ и чего вы мне делать не советуете; и только последнее, на мой взгляд, лишено всякого повода. Ваши слова удивили бы меня, если бы судьба не дала мне понятия о многообразии и изменчивости вещей, так что я вынужден почти ничему не удивляться или признать, что ни чтение, ни опыт ничего мне не поведали о поступках и образе действий людей.

Я знаю вас и знаю, какой ветер дует в ваши паруса, и если бы можно было осуждать вас за это (а осуждать нельзя), то я бы не стал, памятуя о том, в какие порты он вас прибывает, на какие ступени возводит и какие может внушать надежды. Итак, разделяя воззрение большинства (в отличие от вашего, где все – благоразумие), я вижу, что в делах важнее исход, которым они завершаются, а не средства, кои для этого используются. (Всякий руководствуется своей прихотью). Ведь одного и того же добиваются разными способами, и различные действия ведут к одной цели; если я еще мог в этом сомневаться, то поступки нынешнего папы¹⁸ и их последствия убедили меня окончательно. (Б). Ганнибал и Сципион, оба выдающиеся военачальники, одержали бесчисленные победы: один из них, будучи в Италии, поддерживал единство в войсках жестокостью, коварством и неблагочестием, при этом он настолько привлек к себе народы, что они восстали против римлян. Другой добился от народа того же самого постоянством, милосердием и благочестием. (В). Но поскольку на римлян не принято ссылаться – Лоренцо Медичи¹⁹ разоружил народ, чтобы удержать Флоренцию; мессер Джованни Бентивольо²⁰ ради сохранения Болоньи вооружил его; Вителли²¹ в Кастелло и нынешний герцог Урбинский²² разрушили крепости в своих владениях, чтобы удержать их, а граф Франческе²³ в Милане и многие другие строили крепости для безопасности. (Г). Император Тит ²⁴в тот день, когда не был кому–нибудь благодетелем, считал свою власть под угрозой, другой увидел бы угрозу в тот день, когда сделал бы кому–либо приятное. (Д). Многие, семь раз отмерив и взвесив, успевают в своих замыслах. Нынешний папа, который действует всегда наобум, безоружный случайно добивается того, что навряд ли удалось бы ему, действуй он по плану и с военной силой. Как показывают деяния всех вышеописанных лиц и бесконечного числа прочих, кого можно привести в пример в прошлом и настоящем, они приобретали, усмиряли и теряли царства по воле случая, и при неудаче иногда подвергался осуждению тот самый образ действий, который превозносили в дни успеха. (Е). Иной раз также, когда наступает конец длительному процветанию, причину ищут не в себе, а обвиняют небеса и расположение светил. Но отчего различные поступки иной раз одинаково полезны или одинаково вредны, я не знаю, хотя и хотел бы знать; однако, чтобы познакомиться с вашим мнением, я позволю себе смелость высказать свое.

Полагаю, что как природа дала людям разные лица, так они получают от нее и разные ум и воображение, которыми руководствуется каждый. И поскольку, с другой стороны, время и обстоятельства изменчивы, – тому, кто идет навстречу времени,

все замыслы удаются *как по – писаному*, и он процветает; напротив, несчастлив тот, кто отклоняется от времени и обстоятельств. Вследствие этого часто случается так, что двое, действуя по – разному, приходят к одинаковому результату, потому что каждый из них сталкивается с благоприятными для себя обстоятельствами, образующими столько положений, сколько существует земель и государств. Но так как времена и вещи и в целом, и в частностях подвержены изменениям, а люди не меняют ни своего воображения, ни образа действий, им то сопутствует удача, то их преследует невезение. И поистине, кто был бы настолько умен, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, тому всегда везло бы, или он избегал хотя бы неудач, тогда сбылась бы поговорка, что мудрый командует звездами и роком. Но поскольку таких мудрецов не видно, в силу людской близорукости и неумения подчинить себе собственную природу, судьба непостоянна и распоряжается людьми, она держит их под игом. Для доказательства справедливости этого мнения я ограничусь вышеприведенными примерами, которыми я обосновал его, и пусть они дополняют друг друга. Новому правителю стоит основать свою репутацию на жестокости, коварстве и безверии в той провинции, где человечность, доверие и благочестие давно в избытке. Точно так же там, где некоторое время правили жестокость, коварство и безверие, пригодны человечность, доверие и религия, ибо как горечь возмущает вкус, а сладости приедаются, так людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания. Вот в чем причины, наряду с прочими, почему Италия простерлась перед Ганнибалом, а Испания – перед Сципионом²⁵; время и обстоятельства оказались благоприятными для образа действия каждого из них. Но в это же самое время человек, подобный Сципиону, не достиг бы такого успеха в Италии, а подобный Ганнибалу в Испании, как каждый из них в своей провинции.

Никколо Макиавелли

- (А) Кто не умеет фехтовать, собьет с толку опытного фехтовальщика.
- (Б) Наконец, [не следует] никому давать советы и пользоваться чужими советами, кроме общего совета каждому – следовать велениям души и действовать смело.
- (В) Людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания; горечь противна вкусу, а сладость приедается.
- (Г) Искушать судьбу, она дружит с молодыми, и применяться к требованиям времени. Но нельзя и обладать крепостями, и не иметь их; нельзя быть [сразу и] жестоким и милосердным.
- (Д) Когда судьба изнемогает, человек, семья, город переживают крах; удача в судьбе каждого основана на его образе действия и всегда обречена на истощение, в этом случае нужно вернуть ее другим способом.
- (Е) Сравнение с конем и удилами относительно крепостей.

III. К ЛУИДЖИ ГВИЧЧАРДИНИ

*Досточтимому мужу и любезному брату Луиджи Гвиччардини*²⁶ в Мантую
 Прах побери, Луиджи, подумай только, как по – разному волею судьбы завершаются у людей одинаковые предприятия. Вы переспали с той [о ком пишете], и стоило появиться у вас желанию, как вы хотите повторить, а я после многодневного пребывания здесь за отсутствием супружеских утех, стал неразборчивым и тут набрел на старуху, которая стирает мне белье. Она живет в полуподвале, куда свет проникает только через входную дверь. Однажды, когда я проходил мимо, она меня узнала и, обрадовавшись, пригласила заглянуть, посулив немалое удовольствие – якобы, у нее была красивая рубашка на продажу. Я, как дурачок, ей поверил и войдя увидел в полумраке женщину с полотенцем на голове, закрывавшим лицо. Изображая застенчивость, она жалась в углу. Старая пройдоха подвела меня ближе, взяв за руку, и сказала: "Вот рубашка, которую я вам предлагаю, сперва испробуйте, а потом заплатите за нее". Как человек скорее робкий, я перепугался, но потом, оставшись наедине с этой женщиной и в темноте (потому что старуха сразу вышла и закрыла дверь), я овладел ею; и хотя оказалось, что у нее дряблые ляжки, влажное отверстие и зловонное дыхание, вследствие моего отчаянного желания все сошло. После этого, пожелав увидеть названный товар, я взял из очага горящую головню и зажег висевший наверху светильник. Едва он загорелся, факел чуть не выпал у меня из рук. О ужас! Уродство этой женщины было столь велико, что я чудом не испустил дух на месте. Сперва в глаза бросились лохмы волос, не черных и не седых, но с проседью, и хотя на макушке у нее была лысина, где свободно прогуливались одинокие вши, немногочисленные и редкие пряди достигали бровей, а в середине узкого и морщинистого лба была выжжена отметина, как будто ее заклеили у рыночного столба²⁷. Брови были покрыты кустиками волос, облепленных гнидами, из глаз один был выше, а другой ниже и меньше второго; они слезились и источали гной, веки были голыми, нос курносый; одна из сопливых ноздрей обрезана; рот был большой, как у Лоренцо Медичи²⁸, но кривой на одну сторону, откуда стекала слизь – из-за отсутствия зубов она не могла сдержать слюну. Верхнюю губу покрывали довольно длинные, но редкие волосы; вытянутый подбородок торчал немного кверху, на нем росла бородка, доходившая до основания шеи. Потрясенный, я растерянно взирал на это чудовище; заметив мое состояние, женщина хотела спросить: "Что с вами, сударь?", но будучи косноязычной, не смогла произнести, и как только она открыла рот, оттуда пахло таким зловонием, что мой желудок не в силах был сдержать отвращение, вызванное оскорблением двух нежнейших чувств, которому подверглись их врата – глаза и нос, и меня тут же над ней стошнило.

И оплатив той монетой, которую она заслужила, я вышел. Клянусь небом, я не верю, чтобы в нынешний приезд меня еще раз посетило желание здесь, в Ломбардии. Однако, как вы благодарите Господа в надежде вновь испытать такое удовольствие, так и я благодарю его, потому что меня теперь не пугает никакое разочарование.

Полагаю, что от этой поездки у меня останется немного денег, и по возвращении во Флоренцию я хотел бы пристроить их в какое-нибудь дельце. Хорошо бы устроить птичник, мне нужно для этого найти помощника. Я слышал, что Пьеро ди Мартино может тут пригодиться. Узнайте, подойдет ли ему это и сообщите мне; если он не возьмется, я подыщу кого-нибудь другого.

Здесьние новости вам перескажет Джованни. Кланяйтесь от меня Якопо²⁹ и не забудьте о Марко.

Верона, 8 декабря 1509.

Жду ответа Гвалтьери на мою выдумку. *Никколо Макиавелли*

IV. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ³⁰

Господин посол. Ваше письмо от 20 числа³¹ устрасило меня, ибо его построение, многообразие доводов и прочие качества так действуют на воображение, что я поначалу впал в замешательство и растерянность; и если бы при вторичном прочтении слегка не оправился, то верно, был бы неспособен отвечать или написал бы о чем–нибудь другом. Но привыкая к нему, я уподобился Лисе, которая впервые увидела Льва и чуть не умерла от страха; на другой раз она остановилась поблизости, а на третий завела с ним разговор³² – так и я, в общении с вашим письмом набравшись храбрости, отвечаю вам.

Касательно положения дел в мире я прихожу к выводу, что нами управляют несколько государей, имеющих следующие врожденные или благоприобретенные качества; папа у нас умный, и поэтому он тяжел на подъем и осторожен; император непостоянен и изменчив; французский король спесив и робок; испанский король – скупец и скряга; английский король ³³богат, жестокосерд и устремлен к славе; швейцарцы свирепы, победоносны и дерзки; мы здесь, в Италии, бедны, тщеславны и малодушны; что до прочих королей, я их не знаю. Таким образом, соразмеряя эти качества с делами, кои сейчас замышляются, нужно согласиться с братом, который повторял: *"Мир, мир, а мира не будет"* ³⁴, я вижу, что любой мир трудно будет заключить – что ваш, что мой. Если вам угодно считать, что мой труднее, я согласен, но хочу, чтобы вы терпеливо выслушали мое мнение о тех пунктах, где я подозреваю у вас ошибки, и о тех, где мне кажется, что вы наверняка ошибаетесь. Подозреваю я следующее: что вы слишком рано посчитали французского короля ничтожеством, а английского короля великим монархом. Мне кажется несуразным, чтобы у Франции не набралось больше десятка тысяч пехоты, потому что в своей стране, даже без помощи немцев, он может набрать немало таких, которые если и уступят немцам, то не уступят англичанам. Я вынужден так заключить, видя, что английский король со всем его неистовством, со всем его войском, со всей жадной расколошматить, как говорят сиенцы, француза, не взял еще Теруана, замка вроде Эмпольи, берущегося с первого приступа, пока люди еще не остыли ³⁵. Этого для меня достаточно, чтобы не бояться особенно Англии и не слишком принижать Францию. Я думаю, что медлительность французского короля намеренная и объясняется не робостью, а надеждой, что англичанин не сумеет закрепиться на его территории и с приближением зимы будет вынужден вернуться на свой остров или остаться во Франции, подвергаясь риску, ибо тамошние места болотистые и лишены растительности, так что его войско уже сейчас, наверное, терпит большие неудобства; поэтому я и считал, что папе и Испании не составит труда повлиять на Англию. Мое мнение, кроме того, подтверждается и нежеланием Франции отказаться от Собора³⁶, ведь если бы французский король был в стесненных обстоятельствах, он дорожил бы всякой поддержкой и старался бы ни с кем не ссориться.

Что англичанин платит швейцарцам, я готов поверить, но удивительно, если он делает это через императора, ведь по–моему тот предпочел бы дать денег своим, а не швейцарцам. У меня в голове не укладывается, как это император проявляет такую неосмотрительность, а вся остальная Германия такую беспечность, что позволяют настолько возвыситься швейцарцам. Но если на деле так оно и есть, то я уже не берусь дальше рассуждать, потому что это противно всякому человеческому разумению. Не пойму тоже, каким образом могло случиться, что у швейцарцев была возможность занять Миланский замок ³⁷, но они этого, якобы, не захотели, ибо на мой взгляд, получив его, они достигают своей цели, и им следовало так и поступить вместо того, чтобы идти завоевывать Бургундию для императора. Отсюда я

закрываю, что вы совершенно ошибочно полагаете, будто швейцарцы внушают опасения в большей или меньшей степени. Я – то думаю, что их следует опасаться чрезвычайно; свидетель – Каза³⁸, как и многие мои друзья, с которыми я обычно беседую о политике, что я никогда не переоценивал венецианцев, даже во времена их высшего могущества, ибо для меня великое чудо состояло не в том, что они завоевали и удерживали обширные владения, а в том, что они не лишились их. Притом их крушение³⁹ было еще слишком почетным, ибо французский король поступил так, как на его месте поступил бы какой-нибудь герцог Валентине⁴⁰ или другой удачливый кондотьер, возвысившийся в Италии и собравший пятнадцатитысячное войско. Я исходил из того, что у венецианцев не было собственных солдат и полководцев. И по той же причине, по которой я не боялся их, я и боюсь теперь швейцарцев. Не знаю, что там пишет Аристотель о разобщенных республиках⁴¹, но я хорошо знаю, что по логике вещей может быть, бывает и было; помню, я читал, как Лукумоны владели всей Италией вплоть до Альп, пока не были изгнаны из Ломбардии галлами⁴². Если не возвысились этолийцы и ахейцы⁴³, то это произошло не по их вине, а в силу временных обстоятельств, ибо над ними постоянно висела сперва угроза со стороны царя Македонии своим могуществом преграждавшего им дорогу, а затем со стороны римлян; так что им помешала выступить на сцену сторонняя сила, а не недостаток храбрости. Ба! им не нужны подданные, потому что они не видят в том пользы; сейчас они так говорят, потому что пока ее не видят; но, как я уже говорил вам по другому поводу, события развиваются постепенно, и часто необходимость побуждает людей к тому, чего они делать не собирались, а в обычае народов – не спешить. На сегодняшний день их данниками в Италии уже являются герцог Миланский и папа⁴⁴; и эти поступления они занесли в приход, так что не захотят их лишиться, а когда наступит время и один из источников иссякнет, они сочтут это за бунт и вмешаются, одержав же верх, пожелают обеспечить себя на будущее и для того наложат на покоренных еще кое-какие стеснения, так понемногу дело и пойдет. Не стоит полагаться также и на то оружие, которое, как вы говорите, в один прекрасный день окажется полезным для Италии – это невозможно. Во-первых, у итальянцев слишком много вождей и они разъединены, и не видно, кто мог бы их возглавить и объединить; во-вторых, это невозможно из-за швейцарцев. Вам следует понять, что наилучшее войско – это войско вооруженного народа, и противостоять ему может только подобное же. Припомните воинства, покрывшие себя славой: вы найдете римлян, лакедемонян, афинян, этолийцев, ахейцев, орды заальпийцев и увидите, что великие подвиги совершали те, кто вооружил свои народы, как Нин ассирийцев, Кир персов, Александр македонцев⁴⁵. Единственный пример, когда великие дела творили разношерстные армии, это пример Ганнибала и Пирра⁴⁶. Причина тому – необычная доблесть вождей, обладавшая такой силой воздействия, что она так же воодушевляла и дисциплинировала эти смешанные войска, как бывает с народными ополчениями. Если вы рассмотрите поражения Франции и ее победы, то увидите, что она брала верх в сражениях с итальянцами и испанцами, чьи войска подобны ее собственным. Но теперь, когда она имеет дело с вооруженными народами, каковы швейцарцы и англичане, она проиграла, и боюсь, будет проигрывать и впредь. Для людей понимающих поражение французского короля всегда было очевидным, судя потому, что он не захотел иметь собственных солдат и разоружил свой народ, а это противоречит всем поступкам и обычаям, бывшим в заводе у благоразумных и великих, по общему мнению, людей. Впрочем, этот недостаток не был присущ прошлым правлениям, а только начиная с короля Людовика⁴⁷ и поныне. Так что не надейтесь на итальянское оружие, будь оно однородным, как у них (швейцарцев), или если из него составится сборное войско, равноценное их войску. Что до расколов или разногласий, о которых вы упоминаете, не думайте, что из них выйдет

что–нибудь путное, пока у швейцарцев соблюдаются законы, а законы, надо полагать, некоторое время будут соблюдаться. Там не может быть вождей, имеющих сторонников, им неоткуда взяться, а вожди без сторонников укрощаются и немного стоят. Если там кого–то казнили, это, видимо, какие–то пособники французов, пожелавшие выступить в их пользу в учреждениях власти или иным способом, и обнаруженные; расправа с ними для государства не представляет большей опасности, чем когда здесь повесят изрядное число повинных в разбое. Я не думаю, чтобы (швейцарцы) основали империю, как у римлян, но они, пожалуй, могут стать вершителями судеб Италии в силу своего соседства и царящих в ней смут и раздоров; и так как меня это пугает, я желал бы им помешать, но если сил Франции на это не достанет, другого средства я не вижу и посему начну теперь же оплакивать вместе с вами нашу погибель и рабство, которые наступят, может быть, не сегодня и не завтра, но, во всяком случае, в наши дни; этим Италия будет обязана папе Юлию ⁴⁸и тем, кто ничего не предпринимает, если еще можно что–то предпринять для ее спасения⁴⁹.

26 августа 1513, во Флоренции. *Никколо Макиавелли*

V. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

Светлейшему флорентийскому послу у верховного понтифика и своему благодетелю Франческо Веттдри, в Рим

Светлейший посол. "Божья благодать ко времени приходит"⁵⁰. Говорю так, потому что мне казалось, что я, если не потерял совсем, то утратил вашу благосклонность, потому что вы мне не писали довольно давно, и я недоумевал относительно причины этого. Все, что приходило мне в голову, не заслуживало внимания, я мог разве что предположить, не воздерживаетесь ли вы от переписки со мной, получив известие, что я плохо распоряжаюсь вашими письмами; но я помню, что за вычетом Филиппе и Паголо⁵¹ никому их не показывал. Наконец, ко мне пришло от вас письмо за 23 число прошлого месяца, из которого я к своему удовлетворению вижу, сколь спокойно и размеренно вы исполняете обязанности своей службы, и я призываю вас продолжать в том же духе, ибо кто забывает о своей выгоде ради выгоды другого, тот и свое потеряет, и от других благодарности не дождетс⁵². А поскольку судьба любит распоряжаться по – всякому, нужно положиться на нее, не тревожиться и не искушать ее в ожидании того времени, когда она и людям даст возможность действовать; тогда – то и вам придется потрудиться и во все вникать, а мне распротиться с деревней и сказать: вот он я. Поэтому, желая оказать вам равную услугу, я могу только описать в этом письме собственный образ жизни, и если вы пожелаете обменять его на ваш, охотно соглашусь.

Я сижу в деревне, и со времени последних происшествий не провел во Флоренции полным счетом и двадцати дней⁵³. До сих пор занимался собственноручной ловлей дроздов. Поднявшись до света, я намазывал ловушки клеем, затем обходил их, нагруженный связкой клеток, как Гета, когда он возвращался из порта с книгами Амфитриона⁵⁴, и собирал от двух до шести дроздов. Так я провел весь сентябрь⁵⁵, а затем, к своему неудовольствию, лишился этого развлечения, хотя оно чересчур ничтожно и непривычно; и теперь расскажу, как я живу. Встаю я с солнцем и иду в лес, который распорядился вырубить; здесь в течение двух часов осматриваю, что сделано накануне, и беседую с дровосеками, у которых всегда в запасе какая–нибудь размолвка между собой или с соседями. Я мог бы рассказать массу любопытных вещей, которые случились у меня из–за этих дров с Фрозино да Панцано и с другими. Фрозино, например, не говоря мне ни слова, забрал несколько полениц, а расплачиваясь, хотел удержать с меня десять лир, которые он, по его

словам, четыре года назад выиграл в крикку в доме Антонио Гвиччардини. Меня это порядком взбесило, и я собирался обвинить возчика, приехавшего за дровами, в воровстве; *однако* вмешался Джованни Макиавелли и помирил нас. Когда разразилась известная буря, Баттиста Гвиччардини, Филиппе Джинори, Томмазо дель Бене и еще кое-кто из горожан пожелали взять по одной поленице. Я пообещал всем и одну отправил Томмазо, но до Флоренции дошла лишь половина, потому что ее составлением занимались он сам, жена, прислуга и дети, так что все это напоминало Габурру, когда он по четвергам колотит со своими подручными быка. Тогда, размыслив, на ком можно заработать, я сказал остальным, что дров больше нет; причем все огорчились, особенно Баттиста, который причислил это к прочим последствиям поражения при Прато⁵⁶.

Выйдя из леса, я отправляюсь к источнику, а оттуда на птицеловный ток. Со мной книга, Данте, Петрарка или кто-нибудь из второстепенных поэтов, Тибулл, Овидий и им подобные: читая об их любовных страстях и увлечениях, я вспоминаю о своем, и какое-то время наслаждаюсь этой мыслью. Затем я перебираюсь в придорожную харчевню и разговариваю с проезжающими – спрашиваю, какие новости у них дома, слушаю всякую всячину и беру на заметку всевозможные людские вкусы и причуды. Между тем наступает час обеда, и окруженный своей командой⁵⁷ я вкушаю ту пищу, которой меня одаривают бедное имение и скудное хозяйство. Пообедав, я возвращаюсь в харчевню, где застаю обычно в сборе хозяина, мясника, мельника и двух кирпичников. С ними я убиваю целый день, играя в трик-трак и в крикку; при этом мы без конца спорим и бранимся, и порой из-за гроша поднимаем такой шум, что нас слышно в Сан-Кашано⁵⁸. Так не гнушаясь этими тварями, я задаю себе встряску и даю волю проклятой судьбе – пусть сильнее втоптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей, наконец, стыдно.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой *единственно* я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переносюсь к ним. И так как Данте говорит, что "исчезает вскоре то, что услышав, мы не затвердим"⁵⁹, я записал все, что вынес поучительного из их бесед, и составил книжицу "*О государствах*"⁶⁰, где по мере сил углубляюсь в размышления над этим предметом, обсуждая, что такое единоличная власть, какого рода она бывает, каким образом приобретается и сохраняется, по какой причине утрачивается. И если вам когда – либо нравились мои фантазии, вы и эту примете не без удовольствия, а государю, особенно новому, она может пригодиться, и я адресую ее Его Светлости Джулиано⁶¹. Филиппе Казавеккья видел эту книжку; он может подробнее описать, что она собой представляет и какие мы вели о ней беседы, хотя я еще не кончил ее пополнять и отделявать.

Вы, светлейший посол, желали бы, чтобы я простился со здешней жизнью и приехал к вам наслаждаться радостями вашей. Я обязательно так и поступлю, но сейчас меня отвлекают некоторые дела, они займут у меня полтора месяца. Что внушает мне опасения, так это присутствие там Содерини, которых мне, приехав туда, пришлось бы навестить и говорить с ними⁶². Не уверен, что по возвращении, направляясь домой, я не угодил бы в Барджелло⁶³, потому что хотя теперешнее правление покоится на прочном и безопасном основании, *все-таки* оно новое и в силу этого страдает мнительностью, тем более, что здесь хватает узников, которые готовы засадить тебя в казенный дом, лишь бы уподобиться Паголо Бертини⁶⁴, а

остальное – не их забота. Пожалуйста, войдите в мое положение, а я через указанное время непременно навещу вас.

Я обсуждал с Филиппе, стоит ли преподнести мою книжку, или не стоит, и если подносить, то самому, или послать ее вам. К тому, чтобы не подносить, меня склоняет опасение, что Джулиано ее даже и не прочитает, а этот Ардингелли⁶⁵ присвоит себе часть моих последних трудов. К подношению же меня побуждает жестокая необходимость, ибо я разоряюсь и пройдет совсем немного времени, как погрязну в жалкой нищете, не говоря о моем желании, чтобы эти синьоры Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить; потому что, если они и тут не обратят на меня внимания, мне придется пенять только на себя; а по прочтении этой вещи будет видно, что я не проспал и не проиграл в бирюльки те пятнадцать лет, которые были посвящены изучению государственного искусства, и всякий захочет использовать богатый опыт человека, готового им поделиться. Что касается моей верности, в ней не следует сомневаться, потому что, ранее всегда соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать; и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу за один миг; свидетельство моей верности и честности – моя бедность.

Итак, мне хотелось бы познакомиться с вашим мнением обо всем этом, и с тем себя препоручаю вашему вниманию. *Будь счастлив.*

10 декабря 1513. *Никколо Макиавелли, во Флоренции*

VI. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

Вы, куманек, очень порадовали меня известиями о вашей влюбленности в Риме и безмерно утешили мою душу, заполнив ее описанием своих восторгов и обид, которые всегда ходят друг за другом. А меня судьба забросила в такое место, где я поистине могу отплатить вам тем же, потому что здесь, в деревне, я встретил существо столь милое, столь утонченное и привлекательное как врожденным благородством, так и своими качествами, что не нахожу достаточных слов ни для ее восхваления, ни для выражения любви. Как и вы, я мог бы рассказать о зарождении этого чувства, о том, в какие сети оно меня захватило где сплело их, чем украсило; и вы увидели бы, что это были сети, сплетенные Венерой из золота на лоне цветов, сети столь нежные и тонкие, что, хотя черствое сердце могло бы разорвать их, я не решился, и пока блаженствовал в этих сладких тенетах, их слабые нити окрепли и стянулись прочными узлами. Не подумайте, что Амур воспользовался своими обычными средствами, чтобы завлечь меня в ловушку; зная, что они тут непригодны, он прибегнул к невиданным уловкам, от которых я не сумел, да и не захотел уберечься. Довольно сказать, что на пороге пятидесяти лет⁶⁶ меня не смущает солнечный зной, не останавливает трудная дорога и не страшит ночной мрак. Любая задача мне кажется по плечу, к любому желанию, даже чуждому и противоположному тому, что подобало бы мне, я приноравливаюсь. И хотя я вижу мучительность своего состояния, меня переполняет нежность как от созерцания этого редкостного и приятного создания, так и потому еще, что я отложил в сторону воспоминание обо всех своих печалях; и ни за что на свете я не желал бы стать свободным, если бы и мог. Итак, я оставил помыслы о серьезных и великих делах, мне больше не доставляет удовольствия читать о событиях древности или рассуждать о современных; весь мой ум занят галантными похождениями, за что я благодарю Венеру и подвластный ей Кипр. Поэтому, если вам случится написать о нежных чувствах, пишите смело, о прочих же предметах говорите с теми, кто больше их ценит и лучше в них разбирается, ибо последние принесли мне одни огорчения, а первые лишь удовольствие и благо⁶⁷. *Будьте здоровы.*

Из Флоренции. 3 августа 1514. Ваш Никколо Макиавелли

VII. К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

Светлейший посол.

Вы задели меня за живое, так что если я утомлю вас своей писаниной, скажите: провались я, что написал ему ⁶⁸. Боюсь, что ответ, даваемый мною на ваши вопросы, покажется вам слишком сжатым в той части, которая относится к нейтралитету, а также там, где я обсуждаю, чем может быть опасен победитель в случае, если потерпит поражение та сторона, к которой мы примкнем; ибо в обоих случаях следует рассмотреть много вопросов. Поэтому я снова взялся за перо,, возвращаясь к этому же предмету. Что касается нейтралитета, одобряемого, по – моему, многими, то для меня он неприемлем, потому что я не припомню ни одного случая, которому я сам был свидетелем или о котором читал, чтобы нейтралитет был полезен, напротив, его последствия всегда губительны, ибо они ведут к верному поражению; и хотя причины этого вам понятны еще лучше, чем мне, все же я вам их напому.

Вы знаете, что главная задача всякого государя состоит в том, чтобы избегать ненависти и презрения; *fugere in effectu contemptum et odium*; если он за этим следит, его дела будут в порядке. Это условие нужно соблюдать как в отношении союзников, так и в отношении подданных; если же государь не *избежал хотя бы презрения*, его песенка спета. На мой взгляд, среднее положение между двумя противниками это не что иное, как способ заслужить ненависть и презрение, ибо из этих двоих одному всегда покажется, что ты обязан разделить его судьбу благодаря ли оказанным им благодеяниям, или старинной дружбе, и если ты не последуешь за ним, он затаит ненависть против тебя. Другой же, увидев твою робость и нерешительность, станет тебя презирать, и ты прослывешь сразу никчемным другом и безвредным врагом, так что, кто бы из них ни победил, он не задумываясь с тобой расправится. Эту мысль в двух словах выразил Тит Ливии, вложив ее в уста Тита Фламинина, который сказал ахейцам, когда Антиох убеждал их сохранять нейтралитет: *"В вашем положении ничто не может быть хуже; утратив достоинство и снисхождение, вы станете наградой победителю"* ⁶⁹. К тому же, в ходе войны у обоих противников неизбежно накопится множество поводов возненавидеть тебя, ибо в большинстве случаев третий располагается в таком месте, что разными способами может помочь тому или другому, и вскоре после того, как война развязана, оказывается, что то решение, которое ты не захотел принять в открытую, когда оно несло тебе благодарность одной из сторон, теперь ты вынужден вынашивать втайне, уже не надеясь приобрести чью–нибудь милость; и даже если ты его так и не примешь, оба будут убеждены, что ты встал на чужую сторону. Если судьба проявила благосклонность к нейтральному государю, и во время войны не возникнет справедливых причин для ненависти к нему, то они обязательно появятся после окончания, ибо все обиженные и опасующиеся его прибегнут к покровительству победителя со своими жалобами и притязаниями. На возражение, что папа, вследствие уважения к его персоне и к церковной власти, находится в другом положении, и для него всегда отыщется спасительный приют, я бы ответил, что этот довод заслуживает внимания, и отчасти на нем можно основываться, но все же не следует уповать на это, а напротив, я думаю, что по зрелом размышлении не стоит даже принимать его в расчет, чтобы тщетная надежда не склонила к дурному решению, ибо все, случившееся прежде, на мой взгляд, может произойти и теперь, а я знаю, что папам приходилось в свое время спасаться бегством, укрываться от преследования, прозябать на чужбине и *подвергаться смертельным опасностям*, как обычным светским властителям, и это было тогда, когда церковь пользовалась гораздо большим духовным влиянием,

чем сегодня. Итак, если Его Святейшество подумает о том, где находятся его владения, кто с кем воюет и у кого появится возможность воззвать к милости победителя, то я полагаю, что Оно не остановится на нейтралитете, а предпочтет примкнуть к той или иной стороне; таким образом, я не могу ничего добавить относительно нейтралитета и его продления по сравнению с прошлым разом, потому что выше все сказано.

Наверное, из письма, которое я написал вам, покажется, что я склоняюсь на сторону Франции и что эта привязанность может далеко меня завести ⁷⁰, а мне не хотелось бы, чтобы это было так, потому что я стараюсь всегда сохранять ясность суждения, особенно о таких вещах, и не увлекаться пустыми мечтаниями, как делают многие; если я и равнодушен к Франции, мне кажется, тут нет ошибки, поэтому перечислю вам еще раз свои мотивы, и это будет чем – то вроде подведения итогов написанного. Когда соперничают два властелина, чтобы узнать, кто победит, мало измерить силы одного и другого, нужно еще видеть, сколько способов одержать победу у каждого из них. Я не нахожу у здешней стороны другого выхода, как только немедленно дать генеральное сражение, для Франции же годны и все остальные пути, как я подробно описал вам. Вот первая причина, почему Франция внушает больше доверия. Далее, если мне предстоит объявить себя союзником одного из противников, и я вижу, что одному я принесу бесспорную победу, а для второго она и при моем участии останется сомнительной, по – моему, выбирать надо всегда бесспорное, отбросив любые обязательства, выгоды, опасения и все прочее, что мне мешает. Полагаю, что если папа присоединится к Франции, двух мнений быть не может, если к другим, исход очень сомнителен по указанным мною в прошлый раз причинам. Кроме того, все умные люди, когда могут не ставить на карту все свое достояние, охотно так и поступают, и рассчитывая на худший результат, из двух зол выбирают меньшее; а поскольку повороты судьбы трудно предвидеть, они полагаются на удачу того, кому в худшем случае придется менее тяжело. Его Святейшество занимает два поля, одно в Италии, другое во Франции. Присоединясь к Франции, Оно рискует проиграть одно из них, с ее противниками рискует двумя. Если Оно поссорится с Францией, и та победит, Ему придется разделить участь ее врагов и отправиться умирать от голода в Швейцарию, предаваться отчаянию в Германии или быть разоренным и проданным в Испании. Если же Оно пристанет к Франции и потерпит поражение, то во Франции остается, как у себя дома, сохраняет целое царство, покорное себе, то есть власть папы, и дружбу государя, который тысячу раз может вернуть себе былое положение путем переговоров или войны. Будьте здоровы, и тысячекратно вам кланяюсь.

20 декабря 1514.

Никколо Макиавелли, во Флоренции

VIII. К ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

*Сиятельному Господину Франческо Гвиччардини, доктору прав, достойнейшему и мною высоко чтимому губернатору Модены и Реджо*⁷¹

Светлейший и глубокоуважаемый муж. Я был в нужнике, когда прибыл ваш гонец, и как раз раздумывал о странностях этого мира, стараясь представить, какого проповедника на свой лад я выбрал бы для Флоренции, чтобы он был мне по вкусу, потому что в этом я хочу быть столь же упрямым, как и в других своих мнениях. А поскольку я никогда не упускал возможность быть полезным нашей республике если не делом, то словом, и если не словом, то хоть намеком, я не собираюсь упустить ее и на этот раз. Правда, я знаю что, как и во многих других вещах, вступаю в противоречие с мнением своих сограждан: они желают проповедника, который научил бы их, как попасть в рай, и я хочу найти такого, чтобы он показал им дорогу к дьяволу; им желательно также заполучить мужа благоразумного, настоящего праведника, а мне – такого, чтобы он был большим сумасбродом, чем Понцо, большим ловкачом, чем брат Джироламо, большим лицемером, чем фра Альберто⁷², ибо мне кажется чудесной выдумкой, достойной нашего славного времени, соединить в одном монахе все то, что мы наблюдали у нескольких; ведь, по – моему, это и есть правильный путь в рай – изучить дорогу в ад, дабы избегать ее. Помимо этого, видя, каким доверием пользуется негодяй, действующий под личиной благочестия, легко себе представить, чего достигнет достойный, если на деле, а не из притворства двинется по стопам св. Франциска. Итак, находя удачной свою затею, я решил взять Ровайо⁷³, и если он похож на других братьев и сестер, то все будет в порядке. Буду признателен, если в следующем письме вы мне выскажете свое мнение.

Я пребываю здесь в праздности, потому что не могу выполнить поручение, пока не выбраны генерал и дефиниторы⁷⁴, и обдумываю тем временем, как бы заронить среди них семена смуты, чтобы они начали пинать друг друга своими деревянными туфлями, здесь или еще где, если я не свихнусь, думаю, что преуспею в этом, и что совет и помощь Вашего Превосходительства были бы очень кстати. Поэтому, если бы вы приехали сюда как будто развеяться, было бы не худо, или хотя бы в письме подсказали какой–нибудь ловкий ход; ибо если с этой целью вы будете ежедневно присылать ко мне нарочного, как сегодня, то убьете сразу двух зайцев: во – первых, подскажите мне что–нибудь полезное на этот счет, во – вторых, поднимете меня в глазах домашних, учащая важные уведомления. Скажу вам, что появление этого стрелка с письмом, с поклоном до земли и со словами, что он послан спешно и нарочно, наделало здесь столько шума и почтительной суеты, что все пошло вверх дном, и многие стали расспрашивать меня о новостях; я же, чтобы еще повысить свой авторитет, сообщил им, что императора ожидают в Тренто, что швейцарцы опять собираются на сейм и что французский король хотел приехать на свидание с другим королем⁷⁵, но советники ему отсоветовали; так что все они стояли с непокрытыми головами и разинув рты; и теперь, пока я пишу, меня окружают несколько человек, которые дивятся тому, как долго я это делаю, и смотрят на меня, как на одержимого; а я, чтобы сильнее поразить их, иной раз застываю с пером в руке и надуваюсь, и тогда они еще больше раскрывают рты, но если бы они знали, что я вам пишу, то удивились бы еще сильнее. Вашей Милости известна поговорка здешних братьев, что если кто утвердился в благодати, у дьявола нет больше власти искушать его. Поэтому я не боюсь заразиться лицемерием от этих монахов, ведь я, кажется, утвердился вполне.

Что касается обитателей Карпи, то я сравнюсь со всеми ими, ведь я давно превзошел эту науку настолько, что не нуждаюсь даже в таком подручном, как

Франческо Мартелли⁷⁶; потому что с некоторых пор никогда не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, если же мне случается сказать правду, я скрываю ее под таким ворохом лжи, что ее и не сыщешь.

С губернатором я не говорил, потому что, раз уж я нашел себе пристанище, мне казалось это излишним⁷⁷. Правда, сегодня утром в церкви я имел случай полюбоваться им, когда он рассматривал живопись. Сложение его мне показалось удачным и наводящим на мысль о соразмерности части и целого, а также о том, что он кажется тем, что есть и что его уродство не бред, и если бы под рукой у меня было ваше письмо, я бы воспользовался случаем почерпнуть из этого источника⁷⁸. Впрочем, ничего не потеряно, и завтра я жду от вас совета насчет моих дел – с одним из этих солдат, только пусть скачет быстро и приезжает сюда весь вымокший, чтобы сразить всю команду; этим вы окажете мне честь и одновременно ваши стрелки разомкнутся, а для коней к лету это очень полезно. Написал бы вам еще, но не хочу напрягать воображение, чтобы во всей свежести сохранить его на завтра. Поручаю себя Вашей Милости, *да пребудет всегда в желанном здравии*.

В Карпи, 17 мая 1521.

Ваш покорнейше. Никколо Макиавелли, посланник к братьям – миноритам

IX. К ГВИДО МАКИАВЕЛЛИ

Моему дорогому сыночку Гвидо от Никколо Макиавелли. – Во Флоренцию.

Гвидо, дражайший мой сыночек, я получил твое письмо, которое меня очень порадовало, особенно известием, что ты выздоровел, ведь для меня нет ничего важнее этого; и если Господь продлит твои и мои дни, я надеюсь вырастить из тебя порядочного человека, коль скоро и ты приложишь необходимое старание; потому что кроме больших связей, которыми я располагаю, я завязал еще дружбу с кардиналом Чибо, и столь тесную, что сам удивляюсь; она пойдет тебе на пользу, но ты должен учиться⁷⁹. И раз ты не будешь теперь отнекиваться под предлогом болезни, потрудись выучиться словесности и музыке, ты ведь видишь, сколько почета доставляют мне мои слабые дарования. Итак, сынок, если ты хочешь меня утешить, а для себя добиться благосостояния и чести, будь прилежным и учись, потому что если ты сам себе поможешь, тебе станут помогать все.

Маленького мула, который взбесился, нужно лечить не так, как всех помешанных, а наоборот: тех всегда связывают, а я хочу, чтобы ты его развязал. Отдай его Ванджело⁸⁰ и скажи, пусть отведет его в Монтепульяно, разнуздает и отпустит на все четыре стороны искать подножный корм и лечиться от бешенства. Место там раздольное, а животное маленькое, вреда оно никому не причинит; так без лишних хлопот будет видно, чем оно займется, а если выздоровеет, ты успеешь его вернуть. С другими лошадьми сделайте, как велел Лодовико, за которого я благодарю Господа, что он выздоровел и продал их; я знаю, что он правильно поступил, вернув деньги, но меня беспокоит и огорчает, что он не написал.

Кланяйся моне Мариетте⁸¹ и скажи ей, что я собирался выехать со дня на день, и теперь собираюсь; и никогда я так не хотел очутиться во Флоренции, как сейчас; но иначе поступить не могу. Скажешь только насчет слухов, которые ходят, чтобы она не тревожилась, потому что я буду у вас раньше, какая бы беда ни случилась. Поцелуй Баччину. Пьеро и Тотто, если он там; как бы я хотел знать, прошло ли у него с глазами. Не горюйте и тратьте меньше, чем могли бы; напомни Бернардо⁸², чтобы он вел себя как следует, за последние две недели я написал ему два письма, а ответа не получил. Христос да охранит вас всех.

2 апреля 1527.

Никколо Макиавелли, в Имоле

Х.К ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ

Сиятельному и мною чтимому Франческо Веттори. Во Флоренцию⁸³.

Светлейший и проч. Монсиньор Де Ла Мотт⁸⁴ был сегодня в имперском лагере по поводу заключения договора, которое здесь составлено, и если Бурбону⁸⁵ оно понравится, он должен остановить войско, но если двинет его, это верный знак, что он против; так что завтрашний день рассудит наши дела. Поэтому здесь решено, если он двинется завтра, настроиться на войну и оставить малейшие помышления о мире; а если не двинется, думать о мире и распространиться с мыслью о войне. Вот на что вам следует теперь рассчитывать, и если решится в пользу войны, отбросить все надежды на мир, с тем чтобы союзники поспешили выступить без оглядки, потому что пришло время не раздумывать, а действовать очертя голову, ведь отчаяние часто подсказывает средства, которые не под силу обнаружить свободному выбору.

Эти люди выступают сюда без артиллерии, перед ними труднопроходимая местность, так что если мы соединим слабые остатки нашей энергии с готовыми уже силами Лиги, то им придется со стыдом убраться отсюда или хотя бы умерить свои притязания. Я люблю мессера Франческо Гвиччардини, люблю мою родину больше, чем собственную душу, и с высоты того опыта, который мне дали шестьдесят лет⁸⁶, говорю вам, что навряд ли можно очутиться в более трудных обстоятельствах, чем теперь, когда мир насущно необходим, но от войны нельзя отказаться, и к тому же мы располагаем государем, который толком не способен добиться ни войны, ни мира⁸⁷. Нижайший вам поклон.

16 апреля 1527.

Никколо Макиавелли, в Форли

Комментарии

I. Письмо к Риччардо Бекки от 9 марта 1498 г.

- 1 Р. Бекки – посол Флорентийской республики в Риме при дворе папы Александра VI до 7 января 1498 г. После этой даты он был заменен приверженцем Савонаролы.
- 2 Джироламо Савонарола (казнен 23 мая 1498 г.), доминиканец, настоятель монастыря Сан Марко во Флоренции, фактический глава республиканского режима в 1494 – 1498 гг.
- 3 Александр VI Борджиа (1492 – 1503).
- 4 Старое название кафедрального собора Флоренции – Санта Мария дель Фьоре.
- 5 Фра Доменико Буонвичини да Пеша, настоятель монастыря Сан Доменико во Фьезоле, последователь Савонаролы, казненный вместе с ним.
- 6 Странников Савонаролы и его религиозно – демократических реформ называли "Плаксами" (Piagnoni); им противостояли "Рассерженные" (Arrabbiati), представлявшие городскую олигархию; "Паллески" (Palleschi) – приверженцы семейства Медичи, у которого в гербе были аптекарские пилюли – шары (palle) и "Компаньяччи" (Companacci) – группы "золотой молодежи".
- 7 Исход. 1, 12.
- 8 Ср.: *Фима Аквинский*. Сумма Теологии. II. 2; вопр. 47, 2.
- 9 В день Вознесения, 4 мая 1497 г., во время проповеди Савонаролы произошла стычка между "компаньяччи" и "плаксами".
- 10 Исход. 2. 12.
- 11 Макиавелли датирует по флорентийскому календарю, в котором год начинался от Воплощения Христа, 25 марта.

II. Письмо к Джованбаттисте Содерини, сентябрь 1506 г.

- 12 Джованбаттиста Содерини (1484 – 1528), племянник пожизненного гонфалоньера Пьеро Содерини, приятель Макиавелли.
- 13 Адрес на письме Содерини к Макиавелли был надписан рукой Бьяджо Бонаккорси, коллегой и другом последнего, который пересылал ему корреспонденцию в Перуджу, ко двору папы Юлиа II.
- 14 В Пьомбино, на встречу испанского короля Фердинанда, отправлялись многие флорентийцы; как пишет к Макиавелли 12 сентября Джованбаттиста, его и их общего друга Филиппе ди Банко удерживают от поездки – "одного звезда, другого солнце" – откуда слова Никколо о недостатке и избытке света.
- 15 Джованбаттиста высказал опасение, что Макиавелли может задержаться при папе до января, и это помешает его хлопотам по устройству флорентийского ополчения.
- 16 Как можно понять из письма Содерини, Филиппе ожидал исхода какой – то тяжбы; следовательно, "звезда", которая не пускает его в Пьомбино, синоним судьбы.
- 17 Т.е. написать ответ.
- 18 Речь идет о Юлии II (1503 – 1513), безрассудные, на взгляд Макиавелли, поступки которого, не мешали ему действовать успешно. В частности, напору папы вынужден был уступить тиран Перуджи Джанпаоло Бальони, о чем Макиавелли доносил флорентийскому правительству 13 сентября 1506 г. Ср. также: Рассуждения о I декаде Тита Ливия. Кн. I, гл. XXVII.
- 19 Лоренцо Медичи Великолепный (1449 – 1492), правитель Флоренции с 1464 г.
- 20 Джованни II Бентивольи (1443 – 1506), правитель Болоньи с 1462 по 1506 г., когда Юлии II отнял у него город.
- 21 Вителли – семья кондотьеров, владевшая городом Читта ди Каstellо.

- 22** Гвидобальдо да Монтефельтро (1472 – 1508). герцог Урбинский с 1482 г.
23 Франческо Сфорца (1401 – 1466), с 1450 г. герцог Миланский.
24 Тит Флавий Веспасиан, римский император (79 – 81).
25 Ганнибал (247 – 182 до н.э.) и Сципион Старший (ок. 235 – 183 до н.э.) – излюбленные у Макиавелли образцы противоположных методов ведения войны и управления войском – первый более жестокого; второй – мягкого.

III. Письмо к Луиджи Гвиччардини от 8 декабря 1509 г.

- 26** Луиджи Гвиччардини, старший брат историка Франческо Гвиччардини, в будущем гонфалоньер перед падением режима Медичи в 1527 г.; Макиавелли посвятил ему стихотворение "Капитоло о тщеславии". В Мантую он приехал посетить больного брата Якопо.
27 У столба на Меркато Веккьо во Флоренции клеймили скот в ярмарочные дни.
28 У Лоренцо Великолепного, упоминавшегося в предыдущем письме, был широкий рот с узкими губами.
29 Якопо – Гвиччардини: Джованни – вероятно, посыльный.

IV. Письмо к Франческо Веттори от 26 августа 1513 г.

- 30** Франческо Веттори, приятель и коллега Макиавелли в последние годы его службы; после реставрации Медичи (1512) посол Флоренции при дворе папы Льва X (Джованни Медичи).
31 С весны 1513 г. Веттори из Рима вел переписку с находящимся в ссылке Макиавелли, обмениваясь с ним мнениями и прогнозами относительно итальянской и европейской политики. В письме от 20 августа Веттори высказывает сомнения по поводу предполагаемого Макиавелли в ближайшем будущем заключения мира между испанской и французской державами.
32 Образы из басни Эзопа "Лисица и Лев".
33 Папа – Лев X (1513 – 1521); французский король – Людовик XII (1498 – 1515); император – Максимилиан I Габсбург (1493 – 1519); испанский король – Фердинанд II Католический (1479 – 1516); английский король – Генрих VIII (1509 – 1547).
34 Брат – Савонарола. Цит.: Иезекиель. XIII. 10.
35 Макиавелли еще не знал, что 16 августа англичане взяли замок.
36 Собор галликанской церкви был созван в Пизе в пику папе в 1511 гг.
37 Миланский замок предлагал швейцарцам французский король в обмен на союз с ним.
38 Филиппо Казавеккья, приятель Макиавелли и Веттори.
39 Поражение Венеции от войск Камбрейской лиги при Аньяделло в 1509 г. привело к потере ею большей части владений на материке.
40 Чезаре Борджиа (1475 – 1507), сын папы Александра VI, в период своего могущества – правитель области Романья; Макиавелли с похвалой отзываясь о его действиях в трактате "Государь".
41 На "Политику" Аристотеля ссылается в своем письме Веттори, хотя место, о котором идет речь, не установлено.
42 Лукумоны – этруски, вытесненные галльскими племенами в V в. до н.э. из Северной Италии.
43 Этолийцы и ахейцы – греческие племена, объединявшиеся в IV – III вв. до н.э. в военные союзы, в том числе против македонцев и римлян.
44 Герцог Лодовико Моро (1452 – 1508) и Лев X платили швейцарцам за военную помощь.

45 Нин – легендарный ассирийский царь; Кир Старший (558 – 529 гг. до н.э.) – основатель персидского царства; Александр Македонский (336 – 323 до н.э.) – великий завоеватель.

46 Ганнибал – см. письмо II. примеч. 25; Пирр, царь Эпира (307 – 273 до н.э.).

47 В трактате "Государь" (гл. XIII) Макиавелли пишет, что Карл VII (1422 – 1461), освободивший Францию от англичан, учредил у себя постоянное войско ("ордоннансные роты"), которое было упразднено его сыном, Людовиком X.

48 Макиавелли поражался политическим успехам Юлия II, но порицал его, как и других пап, за то, что они способствовали превращению Италии в арену борьбы между европейскими державами, не желая поступиться своей светской властью.

49 Ср.: Государь, гл. XXVI.

V. Письмо к Фраическо Веттори от 10 декабря 1513 г.

50 Цитата из поэмы Петрарки "Триумф вечности". XIII.

51 Филиппо Казавеккья и Паоло Веттори, брат Франческо, флорентийский политик.

52 После долгого перерыва, в письме от 23 ноября Веттори рассказывает о своей беспечной жизни в Риме (обязанности посла Флоренции, которой управлял герцог Джулиано Медичи, в Риме при папе, его родном брате, были необременительны) и приглашает Макиавелли, срок ссылки которого закончился, приехать к нему погостить. При этом он, сетуя на судьбу, не оставляет другу особых надежд вернуться на службу с его помощью.

53 В феврале 1513 г. Макиавелли был арестован как предполагаемый соучастник заговора против Медичи; он подвергся пытке, но затем был освобожден. Еще до этого, в ноябре 1512г. ему было запрещено покидать флорентийские владения в течение года, и в то же время посещать город Флоренцию. Но несколько раз он ездил туда по вызову Синьории.

54 Персонажи стихотворной новеллы начала XV в. на сюжет, восходящий к Плавту. Гета (итал. Джета) – слуга Амфитриона, привезший из Афин книги своего хозяина, который там обучался философии.

55 Р. Ридольфи полагает, что правильно читать "весь ноябрь", ориентируясь по дате письма и сезону ловли дроздов.

56 В этом абзаце упоминаются друзья Макиавелли, некоторые из них в прошлом – его коллеги. Поражение при Прато в августе 1512 г. послужило поводом к падению республиканского режима ("известная буря"), при котором Макиавелли был секретарем II канцелярии Синьории. Комиссаром Прато был в тот момент Баттиста Гвиччардини. Джованни Макиавелли, приходской священник, вместе с Филиппо Макиавелли и Франческо Веттори внес залог в 1000 флоринов, под условием которого Никколо Макиавелли был отправлен в ссылку. Габурра – вероятно, местный мясник.

57 Команда (brigata) – здесь "семья".

58 Имение Макиавелли, Сант – Андреа ин Перкуссина, находилось близ городка Сан – Кашано, в 30 км южнее Флоренции.

59 Данте. Божественная Комедия: Рай. V. 41 – 42.

60 Знаменитый трактат "Государь".

61 Джулиано Медичи (1479 – 1516), сын Лоренцо Великолепного и брат папы Льва X (ср. примеч. 3). герцог Немурский, фактический правитель Флоренции в момент написания данного письма. Позднее Макиавелли решил посвятить трактат племяннику Джулиано и его преемнику, Лоренцо ди Пьеро Медичи (1492 – 1519), герцогу Урбинскому (с 1516г.).

62 Щепетильность Макиавелли вызвана тем, что Пьеро Содерини возглавлял правительство республики, в котором он служил до реставрации Медичи в 1512 г. И

хотя Пьеро и его брат Франческо Содерини, кардинал, были прощены папой и жили в Риме, их посещение могло навлечь на Макиавелли новую опалу.

63 Барджелло – говоря современным языком, резиденция полицейского департамента Флоренции.

64 Бертини – предположительно, рьяный сторонник Медичи.

65 Пьеро Ардингелли – секретарь Льва X.

VI. Письмо к Франческо Веттори от 3 августа 1514 г.

66 Макиавелли исполнилось 45 лет.

67 Демонстративное отстранение от политики вызвано тем, что советы и мнения Макиавелли, передаваемые клану Медичи через Веттори, не дали результатов, кроме разве признания его талантов.

VII. Письмо к Франческо Веттори от 20 декабря 1514 г.

68 3 декабря Веттори снова обратился к Макиавелли с "политическим" вопросом, по просьбе, как выяснилось позже, кардинала Джулио Медичи (будущего папы Климента VII). Вопрос заключается в том, как поступить папе в условиях, когда Людовик XII с помощью Венеции собирался вернуть себе Милан вопреки вероятному противодействию императора Максимилиана, испанского короля Фердинанда Католического и швейцарцев. Макиавелли ответил длинным письмом, в котором отрицал нейтралитет и рекомендовал папе союз с Францией. Не дождавшись ответа (который пришел как раз 20 декабря), Макиавелли сочиняет дополнение к первому письму и проводит здесь ряд своих излюбленных идей – о вреде нейтралитета, о необходимости избегать ненависти и презрения, и других.

69 *Тут Ливий*. XXXV. 49. Ср.: Государь. XXI.

70 Макиавелли здесь как бы оправдывается, возможно потому, что узнал о переговорах папы с венецианцами, направленных на то, чтобы оторвать их от союза с Францией – папа склонялся к противной стороне.

VIII. Письмо к Франческо Гвиччардини от 17 мая 1521 г.

71 В мае 1521 г. Макиавелли был послан с поручением от правительства Флоренции и кардинала Джулио Медичи к генеральному капитулу ордена францисканцев (миноритов) в Карпи, недалеко от Модены. При этом консулы цеха шерстяников просили его пригласить во Флоренцию на время Великого поста известного проповедника. Гвиччардини, который был тогда губернатором Модены (от имени папы), переписываясь с Макиавелли шутики ради послал ему письма с нарочным, чтобы придать адресату больший вес в глазах хозяев.

72 Доменико да Понцо – доверенное лицо правителя Милана во Флоренции, противник Савонаролы (брата Джироламо); фра Альберто – по предположениям, герой новеллы Боккаччо из "Декамерона" (IV. 2), или Альберто да Орвьето, предлагавший Александру VI заманить Савонаролу в Рим.

73 Брат Джованни Гвальберто, по прозвищу Ровайо ("Северный ветер"), которого хотели пригласить флорентийцы.

74 Макиавелли ожидал завершения выборов высших чинов ордена, чтобы продолжить переговоры от отделения францисканских монастырей Флоренции от монастырей остальной Тосканы.

75 То есть, очевидно, с английским королем.

76 Макиавелли здесь отвечает на опасение Гвиччардини, как бы монахи не заразили его лицемерием, или воздух Карпч не приучил его врать. Кто такой Мартелли – неизвестно.

77 Феодалными сеньорами Карпи были представители семейства Пио: в этот период Альберто Пио, губернатором был епископ Теодоро Пио. Макиавелли остановился у секретаря канцелярии Альберто Пио, Сиджисмондо Санти.

78 Речь идет, вероятно, о гипотетическом письме с советами Гвиччардини, о котором Макиавелли просит выше.

IX. Письмо к Гвидо Макиавелли от 2 апреля 1527 г.

79 Гвидо Макиавелли, третий сын Никколб, предназначался для церковной карьеры (но стал впоследствии только приходским священником). Отец пишет ему из лагеря войск Коньякской Лиги, в которой папа Климент VII (Джулио Медичи) объединился с Францией, Венецией и Миланом против императора Карла V Габсбурга. В Болонье Макиавелли был радушно принят тамошним наместником папы, кардиналом – легатом Инноченцо Чибо, который приходился Клименту VII двоюродным братом.

80 Ванджело – крестьянин, работавший у Макиавелли.

81 Мариетта Корсини – жена Никколо Макиавелли.

82 Баччина (Бернарда) – дочь Макиавелли. Бернардо – старший сын (р. в 1503 г., второй – Лодовико – в 1504г.); Бернардо стал в дальнейшем казначеем папы в провинции Умбрия; Пьеро (1514 – 1564) – четвертый сын; Тотто – младший, родившийся в конце 1525 или в начале 1526 г.

X. Письмо к Франчески Веттори от 16 апреля 1527 г.

83 Макиавелли пишет Веттори во Флоренцию из Форли в Романье, где он находился по поручению Гвиччардини, главного наместника папы Климента VII в лагере Коньякской Лиги. Папа попытался заключить перемирие с противником (в марте), но войско императора не соблюдало, и как показали ближайшие события (разгром Рима), не собиралось соблюдать его условия.

84 Де Ла Мотт – один из командующих войсками Лиги.

85 Коннетабль Франции Карл Бурбон, перешедший на службу к Карлу V, главнокомандующий его войск. При осаде Рима 6 мая 1527 г. был застрелен из аркебузы (этот выстрел приписывает себе Бенвенуто Челлини).

86 3 мая Макиавелли исполнилось 58 лет, 21 июня 1527 г. он умер – несколько дней спустя после неудачной попытки вернуться на прежнюю должность в новом антимедичейском правительстве (вместо него на этом посту был оставлен секретарь комиссии Восьми при Медичи, Ф. Таруджи).

87 Климент VII, известный своей нерешительностью.

Михаил Блюменкранц

МАКИАВЕЛЛИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Политические тексты Макиавелли, написанные около пяти веков назад, наш современник прочтет сегодня по–своему.

Автономность политики от других сфер человеческого существования, прежде всего – от нравственности, примат государственных интересов над интересами личности и крайне низкая оценка человеческой природы как таковой – вот отправные точки политической философии Макиавелли.

Безусловно, итальянский философ осмысливал негативный опыт своего времени: политическое бессилие разрозненной и потерявшей самостоятельность Италии, глубокий кризис средневекового религиозного сознания, проявившийся прежде всего в вырождении института папства и потере метаисторических ориентиров в осмыслении человеческого существования. В этой ситуации основным приоритетом становится романтизация волевого императива, жизненной мощи, способной вернуть этому распадающемуся на части миру утраченное единство.

Дух возрожденческого титанизма, породивший тип сильной личности, самоутверждающейся за счет индивидов более слабых, воплощается для Макиавелли в фигуре идеального правителя: целеустремленного, хладнокровно–расчетливого, жестокого, с несгибаемой волей, наделенного хитростью и коварством.

Технология власти мудрого государя не слишком сложна, на современном языке это выглядит как известный метод кнута и пряника: "...людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести" [Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. С. 306.]

История нашего времени – это история реализовавшихся утопий. При всем различии архитектурных замыслов этих проектов земного переустройства – от "Государства" Платона до "Государя" Н. Макиавелли, "Утопии" Т. Мора и "Города Солнца" Т. Кампанеллы – их объединяет одно: человеческая личность безоговорочно приносится на алтарь государственного молоха как неизбежная жертва, конечно же, во имя ее же собственного блага.

Одни при этом исходят из идеализации человеческой природы, упрощая и схематизируя ее, другие же абсолютизируют худшие проявления этой природы. Впрочем, историческая практика причудливо синтезировала крайности этих подходов и один из зодчих светлого будущего Иосиф Виссарионович успешно сочетал оба, черпая опыт государственной мудрости и смелых политических свершений в книге, ставшей для него настольной, – в "Государе" Макиавелли.

Как оказалось, все эти проекты необходимого мироустройства прекрасно дополняют друг друга в святом деле полного порабощения человека аппаратом государства. В результате санкционированная Макиавелли "разумная жестокость" правителя, поставленная на конвейер охранительных органов, запускает такую машину террора, по сравнению с которой современные пережитки первобытного каннибализма выглядят как пример рациональной диеты у носителей высоких гуманистических идеалов.

Некоторые исследователи творчества Макиавелли видят его заслугу в том, что он дал точную и реалистическую картину нравов и мотивов поведения деятелей

своей эпохи, представил политическую жизнь Италии без лицемерия, свойственного политикам во все времена, назвал вещи своими именами. При этом стыдливо упускается из виду то, что там, где власти обычно прибегают к лицемерию для того, чтобы скрыть порочную суть тех или иных политических действий, Макиавелли их откровенно обнажает только затем, дабы представить эти пороки как скрытые добродетели. Он вводит в общественный обиход новую систему ценностей, в которой политическая власть, направленная на укрепление государства, становится высшим благом. Так кесарю отдается Божье.

И хотя Макиавелли признает необходимость религии, однако религия, с его точки зрения, должна быть подчинена государству и стать послушным инструментом для укрепления последнего. В известном смысле Макиавелли можно считать провозвестником поворота от религиозного мышления к идеологическому.

Реакцией Макиавелли на духовный кризис средневековой Европы стал безоговорочный поворот навстречу новому времени, к секуляризации жизненных ценностей, к грядущей борьбе за выживание личности, отстаивающей свою независимость и человеческое достоинство в жестоком единоборстве с холодными и цепкими устоями государственной власти.

Никколо Макиавелли

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Родился во Флоренции в семье бедного юриста. Систематического образования не получил. В 1498 году, после казни Савонаролы и смены правительства, стал вторым канцлером Флорентийской республики. Он умел угодить каждому из правителей, будь то Чезаре Борджиа или Пьеро Содерини; но когда к власти во Флоренции пришло семейство Медичи, Макиавели был вынужден удалиться в изгнание. В поместье под Флоренцией в 1513 году он написал два трактата, прославивших его далеко за пределами Италии – "Князь" и "Рассуждения о десяти первых книгах Тита Ливия". Впоследствии получил разрешение вернуться во Флоренцию, но с семьей Медичи продолжал конфликтовать до самой смерти.